

Видеентъ.

КАРМЕНЪ.

1915 г. Пробужденіе № 3-й

1-го Февраля 1915 г.

Въ пути.

Безконечна, безпросвѣтна ночи мгла,
Чернымъ пологомъ окрестность облегла.
Въ небѣ звѣздочки не видно ни одной,
Небо мрачною закрыто пеленой.

Зги не видно. Все сугробы да снѣга,—
Лишь надъ тройкою колеблется дуга.
Ахъ, не сбиться-бы, съ дороги не сойти,
Въ полоненномъ злою бурей пути!

Вѣтеръ гимны похоронные поетъ.
Страхъ разсудку возродиться не даетъ.
Но ящикъ надежду крѣпкую хранить,
Что изъ мглы огонь привѣтно заблестить,

Что, измученные трудною борьбой,
Скоро мы найдемъ отраду и покой.
И согрѣты, и обласканы тепломъ,
Мы, довольные, счастливые, уснемъ.

Е. Бахаревъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 3-й

Семьдесятъ двѣдцать
и три года.

АЛЬФОНСЪ ДОДЭ.

Къ 75-лѣтію со дня рожденія.

На рубежѣ.

Несмѣтные рои воздушныхъ бѣлыхъ мухъ
Въ сырой, холодной мглѣ давно-ль еще кружились
И льнули все къ землѣ—и испускали духъ
И пеленой густой, пушистою ложились?

А безшабашный вихрь, свирѣпый богатырь,
Изъ края въ край гонялъ громады тучъ свинцовыхъ,
Ревѣлъ звѣрьемъ, свистѣлъ, буянилъ во всю ширь
И встряхивалъ метель въ своихъ рукахъ суровыхъ.

И, смертію дыша, морозъ, надменный дѣдъ,
Бахвалился своей красивой сѣдиною,
Неслыханнымъ числомъ губительныхъ побѣдъ
И холодилъ сердца улыбкой ледяною?.

Давно-ли? И уже творятся чудеса:
Растаялъ призракъ сна, исполненный коварства.
И снова красотой сіяютъ небеса
И тьмы тлетворной власть смѣнило свѣта царство.

Все злое колдовство горячіе лучи
Испепелили въ прахъ: могучи солнца ласки.
Отъ нихъ забили вновь дремавшіе ключи
И свѣтятся кругомъ чарующія краски.

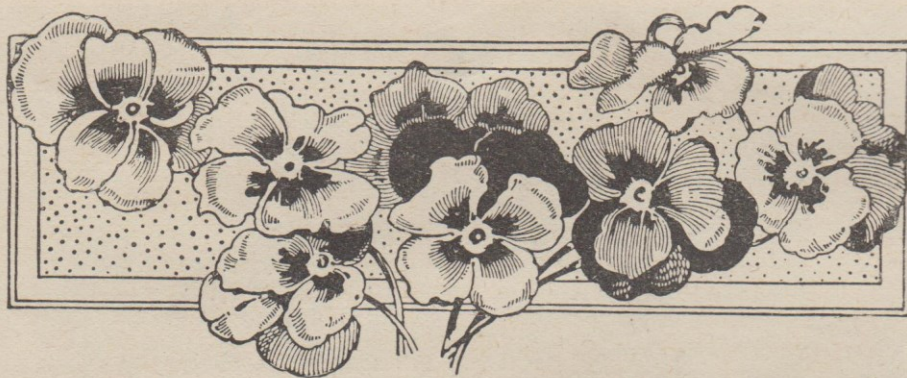
Рожденныхъ, бодрыхъ силъ природа вновь полна;
Повсюду перекликъ ведутъ тревожно птицы;
Подъ панциремъ лдянымъ журчитъ, поетъ волна:
„Вѣнчанья близокъ часъ возлюбленной царицы!“.

Кругомъ воскресло все... Усталая душа,
И ты проснись, гони мертвящія сомнѣнья
И, жизнью весны ликующей дыша,
Живѣй воспринимай отрадное волненье!

Люби и вѣрь!.. Люби всѣмъ сердцемъ край родной...
Вѣрь, *съ новою весной* ея растаютъ бѣды,
Что миръ желанный вслѣдъ за тяжкою войной
Во всѣ углы всѣхъ странъ внесутъ его побѣды!..

Петръ Быковъ.

Танникъ.

Разсказъ Вл. Ленскаго.

I.

Въ самой глубинѣ Малороссіи, въ глухой деревнѣ, разбросавшейся по склонамъ высокихъ, покатыхъ холмовъ надъ тихимъ, яснымъ Псломъ—Чекановъ въ первые дни чувствовалъ себя такъ, точно только что явился на свѣтъ и впервые увидѣлъ яркое, знойное солнце, голубое небо, зеленыя деревья, воды и поля.

Все, что съ нимъ случилось тамъ, на сѣверѣ, въ гниломъ, сумасшедшемъ Петербургѣ—разрывъ съ женой, тяжелая болѣзнь, заставившая его цѣлый мѣсяцъ пролежать въ больницѣ—все это казалось страшнымъ кошмаромъ, отъ котораго теперь, какъ-бы послѣ пробужденія, осталось тоскливое, щемящее чувство круглаго одиночества, брошенности, да въ тѣлѣ—неодолимая, судорожная дрожь вконецъ расшатанныхъ нервовъ, подергивающая конвульсіями лицо, мѣшающая спать ночью.

«Не надо думать! Не надо вспоминать!»—убѣждалъ онъ себя, чувствуя, что если онъ отдастся думамъ и воспоминаніямъ пережитаго несчастья—то конецъ будетъ неизбѣженъ, ему не удастся оправиться здѣсь, возродиться для новой жизни. Забыть, во что бы то ни стало, все забыть, какъ будто до сихъ поръ ничего не было и онъ только теперь начинаетъ жить!..

II.

Усадьба, въ которой онъ поселился, лежала у самаго Псла, лишь съ одной стороны отдѣленная отъ него высокой горой; съ другой стороны ее огибала лукой узкая, грязная рѣченка, притокъ Псла, черезъ которую, для входа въ усадьбу, были положены съ одного берега на другой три корявыхъ бревна, вертѣвшихся и качавшихся подъ ногами и заставлявшихъ долго балансировать, пока удавалось достигнуть берега.

Позади усадьба примыкала къ двору крестьянина Карлаша, гдѣ гулялъ на свободѣ огромный, свирѣпый, какъ звѣрь, песь, обе-

регавший отъ воровъ его убогую хату и нищенское хозяйство; главная-же ворота ея выходили на большую, ровную, открытую поляну, разстилающуюся между Псломъ и холмами, на которыхъ ютилась деревня.

Поляна эта заканчивалась большой усадьбой мѣстнаго богатѣя, члена уѣздной земской управы, обрусѣвшаго нѣмца Вольперта, владѣвшаго въ этой части Псла берегомъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ и запрудившаго рѣку для своихъ водяныхъ мельницъ, которыя шумѣли днемъ и ночью. На полянѣ крестьянскія дѣти пасли овецъ...

Приютившая Чеканова усадьба называлась «Левада» и заключала въ себѣ, вмѣстѣ со склономъ горы, девять десятинъ, часть которыхъ была занята фруктовымъ садомъ, остальное—лугами, осиновою рощей и густымъ кустарникомъ.

За фруктовыми деревьями никто не смотрѣлъ, и они дичали, погибали отъ червей, опутывавшихъ ихъ листья густой паутиной; луга косилъ два раза въ лѣто Карлашъ, получившій на это разрѣшеніе отъ владѣлицы Левады, за что онъ долженъ былъ исполнять обязанности сторожа и собирать для нея фрукты, если таковыя оказывались на деревьяхъ. Онъ-же, по ея порученію, сдавалъ въ наемъ и домъ, который, впрочемъ, до Чеканова нѣсколько лѣтъ пустовалъ...

Стоялъ этотъ домъ въ самой глубинѣ усадьбы, подъ горой, между старыми яблонями; отъ него вела широкая, прямая аллея къ воротамъ. Къ дому примыкала, по всему фасаду, большая открытая терраса.

Внутри, какъ всѣ крестьянскія хаты въ Малороссіи, онъ былъ раздѣленъ коридоромъ на двѣ половины, въ каждой изъ нихъ было по двѣ комнаты, полутемныя, съ маленькими окнами, заслоненными снаружи деревьями. Мебель, украшавшую ихъ, составляли крестьянскіе деревянные диваны, пара вылинявшихъ, просиженныхъ кресель, продранный клеенчатый диванъ и дачный плетеный стулъ. Въ углахъ, на иконахъ, висѣли вышитыя малороссійскія полотенца, на диванахъ красовались старыя, поблекшія плахты.

Пахло въ комнатахъ погребной плѣсенью, чернымъ хлѣбомъ, пылью, затхлостью нежилого помѣщенія, въ которомъ долго не открывались окна и двери. Чекановъ невольно поморщился, когда въ первый разъ вошелъ въ эти комнаты; послѣ его городской квартиры этотъ домъ казался жалкой, нищенской хижинкой...

Кромѣ главнаго, «барскаго» дома, въ Левадѣ была и еще «людская», состоявшая изъ сарая и кухни, гдѣ ютилась здоровая, всегда простоволосая и растрепанная, съ подоткнутой до колѣнъ юбкой и голыми, толстыми, грязными ногами, дѣвка Одарка, которую привелъ и устроилъ у Чеканова въ качествѣ кухарки «управляющій», сосѣдъ Карлашъ, какъ онъ самъ называлъ себя.

Одарка, возясь въ кухнѣ, у огненнаго жерла огромной хохлацкой печи, цѣлый день пѣла визгливымъ, пронзительнымъ голосомъ, а по вечерамъ, стоя въ дверяхъ сарая, перекликалась дикими, протяжными криками съ парнями, вызывавшими ее на гору...

III.

И вотъ—началась новая жизнь Чеканова...

Былъ конецъ іюля, стояла тихая, ясная, жаркая погода. Чекановъ блуждалъ по Левадѣ то въ тѣни тополей и осинъ, толпившихся подъ горой, то между старыхъ вербъ, свѣшивавшихся изъ-за

плетня надъ мутной рѣченкой, то въ лугахъ, заливаемыхъ яркимъ, горячимъ солнцемъ, уже успѣвшихъ, послѣ перваго покоса, зазеленѣть новой травой.

Онъ взбирался и на гору и оттуда смотрѣлъ на извирающійся среди пустынныхъ полей синій Псель, на деревню, испестрившую холмы зелеными садами и бѣлыми хатами подъ желтыми соломенными крышами, среди которыхъ высились крылатая мельница-вѣтрянка, похожая на огромныхъ птицъ, слетѣвшихъ съ неба и присѣвшихъ на минуту на землѣ, чтобы тотчасъ же взлетѣть...

Миромъ и спокойствіемъ вѣяло на Чеканова отъ этихъ картинъ. Онъ спускался съ горы и, немного усталый, ложился въ свой гамакъ, привязанный въ тѣни къ двумъ старымъ грушамъ.

Глядя въ бездонную синюю глубину неба или лежа съ закрытыми глазами, онъ старался ни о чемъ не думать, чтобы ничто не тревожило и не волновало его израненнаго сердца, не утомляло его изнеможенной мысли.

Но въ то время, какъ мозгъ старательно избѣгалъ воспоминаній и представлений пережитой катастрофы,—нервы его продолжали дрожать и звенѣть, какъ ослабѣвшія струны, отголоскомъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Жажды жизни въ немъ не было, самый интересъ къ жизни былъ утраченъ, въ немъ говорилъ только животный инстинктъ самосохраненія, заставлявшій его цѣпляться за жизнь. Онъ хотѣлъ жить, хотя и не зналъ, зачѣмъ ему эта жизнь, и не могъ представить себѣ, что она теперь можетъ ему дать любопытнаго и отраднаго.

Черезъ силу ѣлъ онъ невкусные, приготовленные грязной, невѣжественной Одаркой, обѣды, пилъ парное, пахнувшее коровьимъ навозомъ, молоко, купался въ Пслѣ, отъ холодной воды котораго его всего корчило, сводило судорогами руки и ноги.

Все свое вниманіе, всѣ силы онъ сосредоточилъ на томъ, чтобы поддержать и укрѣпить свой расшатанный организмъ...

Спустя недѣлю уже начало сказываться нѣкоторое улучшеніе. Временами въ тѣлѣ прекращалась нервная дрожь, по ночамъ ему уже удавалось заснуть на четыре-пять часовъ, шумъ въ головѣ, прежде походившій на грохотъ ломовыхъ телѣгъ, становился слабѣе и теперь напоминалъ глухой, отдаленный шелестъ древесныхъ листьевъ...

Но леченіе сразу оборвалось, и все, что было достигнуто за недѣлю, пропало; настали ненастные, дождливые дни, быстро вернувшіе Чеканова къ тому-же состоянію, въ какомъ онъ пріѣхалъ сюда...

Небо затянулось темными, сѣрыми тучами, слившимися въ непроницаемую завѣсу, низко повисшую надъ усадьбой. Мелкій, холодный, почти осенній дождь сѣялъ непрерывно, частой дробью стуча по желѣзной крышѣ, грустнымъ шорохомъ пронизывая листву деревьевъ, невнятнымъ шопотомъ рѣя у стѣнь.

Въ первые-же два-три дня ненастья деревья, трава, земля—все намокло, ото всего вѣяло сыростью, холодомъ, проникавшимъ даже въ комнаты черезъ щели плохо прилаженныхъ оконъ и дверей.

О прогулкахъ нечего было и думать. Нельзя было даже выйти на террасу, потому что крыша протекала и полъ былъ залитъ водой.

И вотъ тутъ-то, когда Чеканову приходилось съ утра до вечера сидѣть въ комнатахъ—особенно сильно сказалась вся неуютность непригляднаго, жалкаго, убогаго жилища. Продавленные кресла, диванъ съ торчавшими наружу пружинами, деревянные скамьи—все

это была совершенно негодная къ употребленію мебель; Чекановъ принужденъ былъ часами ходить по комнатамъ взадъ и впередъ или лежать на кровати—въ глубокомъ уныніи, въ глухомъ раздраженіи, не зная, что дѣлать съ собой и съ своимъ временемъ. Одиночество начинало тяготить его...

IV.

Въ Левадѣ жилъ большой песъ, бѣлый, съ черножелтыми пятнами, старый, угрюмый, въ первые дни прятавшійся отъ Чеканова и только издали, изъ кустовъ, враждебно ворчавшій на него. У него было странное, непонятное имя—Лабонъ.

Ему часто доставалось отъ Одарки, которая постоянно гнала его то изъ сарая, то изъ кухни. Къ Чеканову то-и-дѣло доносились ея неистовые крики и жалобный визгъ собаки, получавшей отъ нея жестокіе удары палкой куда попало.

Когда начались дожди, и двери сарая и кухни закрылись, Лабонъ, въ поискахъ сухого мѣстечка, забрался на террасу и устроился у самой двери, свернувшись на мокрой цыновкѣ въ клубокъ.

Однажды Чекановъ открылъ дверь, чтобы выйти на террасу, и наткнулся на собаку. Лабонъ, лежавшій у порога, даже не пошевельнулся и только посмотрѣлъ на него красными, злыми глазами.

Чекановъ крикнулъ:

— Пошелъ вонъ!..

Лабонъ приподнялъ голову и угрожающе заворчалъ...

Въ глухомъ раздраженіи, почувявъ въ этомъ дикомъ псѣ злобнаго, непримиримаго врага, Чекановъ пнулъ его ногой. Лабонъ вскочилъ, сразу оцетинившись, и съ яростнымъ рычаніемъ схватилъ его за колѣно зубами. Но онъ тотчасъ-же разжалъ зубы и побѣжалъ съ террасы, поджавъ хвостъ.

Чекановъ схватилъ стоящую въ углу у двери швабру и бросился за нимъ. Онъ успѣлъ ударить его по спинѣ, но песъ быстро обернулся, сорвалъ зубами съ палки щетку, унесъ ее въ кусты и тамъ долго грызъ и рвалъ ее, вымещая на ней свою злобу...

Когда Чекановъ ушелъ въ комнаты—Лабонъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, забрался на террасу и свернулся у двери...

Для Чеканова стало развлеченіемъ дразнить этого дикаго пса. Нѣсколько разъ на день повторялась одна и та же исторія: Чекановъ открывалъ дверь, Лабонъ встрѣчалъ его появленіе ворчаніемъ, яростно хваталъ зубами и грызъ конецъ палки, которую тотъ подносилъ къ его носу; потомъ онъ вскакивалъ и убѣгалъ, получая отъ свирѣпѣвшаго, дрожавшаго отъ злобы, врага удары палкой по спинѣ и задѣ. Спрятавшись въ кустахъ, жалобно и злобно повизгивая, Лабонъ лизывалъ больныя отъ ударовъ мѣста на своемъ костлявомъ, тощемъ отъ постоянной голодовки, тѣлѣ, а Чекановъ долго ходилъ по комнатамъ съ подергивающимся отъ нервнаго возбужденія лицомъ, тяжело дыша и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Лабонъ, повидимому, считалъ себя здѣсь хозяиномъ и не признавалъ за этимъ невѣдомымъ пришельцемъ никакихъ правъ на усадьбу. Почти каждый часъ получая отъ Чеканова побои, онъ, съ злобнымъ упорствомъ, продолжалъ лѣзть на террасу, облюбовавъ себѣ мѣсто на цыновкѣ у двери...

Тяжелы, мучительно однообразны и скучны были эти ненастные дни въ глухой деревнѣ, но еще тяжелѣе и несноснѣй казались ночи,

когда дождь, не переставая, барабанилъ по крышѣ, кругомъ дома холодно и тоскливо шумѣли подь дождемъ озябшія деревья, и чувствовалась въ однообразіи этихъ звуковъ дикая, жуткая глушь медвѣжьяго угла, отрѣзаннаго отъ всего міра.

Мучась безсонницей, Чекановъ накрывалъ голову подушкой, затыкалъ уши и все-же не переставалъ слышать этого унылаго шороха и шопота дождя, этой глухой, тяжелой, безпросвѣтной тишины безлюдья, брошенности, одиночества...

Среди ночи на террасѣ, за дверью, вдругъ раздавалось злобное ворчанье Лабона и еще какихъ-то собакъ, бродившихъ ночами по чужимъ усадьбамъ въ поискахъ какой-нибудь поживы. Ворчанье переходило въ ожесточенный, хриплый лай—и тамъ, въ черномъ мракѣ ненастной ночи, закипала отчаянная драка голодныхъ, дикихъ псовъ, съ визгомъ, лаемъ, лясканьемъ зубовъ.

Внѣ себя отъ злобы и страха, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, Чекановъ выскакивалъ на террасу и въ какомъ-то дикомъ неистовствѣ колотилъ толстой палкой по живому клубку изъ трехъ, крѣпко сцепившихся, собачьихъ тѣлъ.

Удары сыпались на спины, головы, лапы—но собаки, въ бѣшенномъ остервенѣніи драки, не чувствовали ударовъ и продолжали грызть другъ друга, катаясь по полу или вставая на заднія лапы съ яростно оскаленными зубами и сверкающими неуголимой злобой глазами, съ шерстью, поднявшейся дыбомъ на спинѣ и шеѣ.

Драка, обыкновенно, продолжалась до тѣхъ поръ, пока онѣ не скатывались по ступенямъ съ террасы; тогда, внезапно разъединившись, три огромные пса, свирѣпые, какъ звѣри, во главѣ съ Лабонемъ, который въ этомъ случаѣ становился ихъ союзникомъ, набрасывались на Чеканова, и онъ, отбиваясь отъ нихъ палкой, едва успѣвалъ вбѣжать въ домъ и захлопнуть дверь передъ оскаленными мордами разъяренныхъ псовъ.

Онъ снова ложился въ постель, дрожа и стуча зубами, и уже долго не могъ успокоиться. На террасѣ до разсвѣта раздавалось глухое ворчанье, злобный визгъ, лай и шумъ то-и-дѣло возобновлявшейся собачьей драки.

Лабонъ вѣчно возился съ ранами то на изорванномъ ухѣ, то на искусанной лапѣ или спинѣ...

V.

Чекановъ не терялъ надежды на то, что еще выглянетъ солнце, и погода исправится, вѣдь, до осени было еще далеко! Онъ часто поднимался на разсвѣтъ, чтобы взглянуть на небо.

Въ этотъ часъ почти всегда дождь переставалъ идти, становилось тихо-тихо, продрогшія деревья точно замирали въ ожиданіи солнца, и непроницаемая, сѣрая завѣса тучъ клубилась и рвалась, словно открывая дорогу восходящему солнцу.

Сквозь темныя деревья просвѣчивалъ розовый свѣтъ зари, охватившей полнеба, разгоравшейся все ярче и ярче,—и, какъ будто привѣтствуя близкое солнце, начинали кричать пѣтухи, какъ-то особенно, бодро и радостно посылая свои протяжные возгласы въ розовый воздухъ рождающагося дня.

Чекановъ дрожалъ отъ пронизывающаго холода, которымъ дышали промокшія травы, земля, деревья; но онъ не уходилъ, пока воздухъ не загорался золотомъ вставшаго, наконецъ, солнца. Въ

золотыхъ брызгахъ первыхъ солнечныхъ лучей вспыхивали мокрые листья, бѣлые стволы осинъ и тополей, начинали сіять, какъ зеркала, лужи на тропинкахъ; матово-изумрудная въ тѣняхъ, трава на солнцѣ становилась прозрачной, казалась налитой зеленымъ пламенемъ, и дождевыя капли на стебелькахъ и листьяхъ горѣли розовымъ и золотымъ огнемъ, какъ драгоценные камни.

Сѣрая, скучная, унылая въ ненастье, усадьба принимала нарядный, праздничный видъ; съ души Чеканова точно сваливалась какая-то непомѣрная тяжесть, и онъ дышалъ облегченно, радуясь наступленію ясной погоды...

Но недолга была его радость: едва онъ успѣвалъ умыться и одѣться—какъ отъ солнечнаго блеска не оставалось и слѣда, снова низко нависала надъ усадьбой хмурая, темная, безотрадная завѣса тучъ, снова сѣялъ мелкій, холодный, осенній дождь, и зябко шумѣли продрогшія деревья. И у дверей террасы, мокрый, грязный, свернувшись въ клубокъ, дрожалъ и жалобно повизгивалъ во снѣ отъ холода и голода не находившій себѣ пріюта Лабонъ...

Чекановъ снова впадалъ въ уныніе и рѣшалъ: нужно уѣхать!.. Но куда?.. Назадъ въ Петербургъ, гдѣ все будетъ напоминать ему о пережитыхъ мученіяхъ, гдѣ нечего и думать о восстановленіи разстроеннаго здоровья?.. Или на Кавказъ, или въ Крымъ, гдѣ отъ сумасшедшаго зноя онъ потеряетъ послѣдніе остатки силъ?..

Но кромѣ того, что онъ не зналъ, куда ѣхать, онъ рѣшительно былъ не въ состояніи куда бы то ни было двинуться. Его воля была слаба, онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, дряблымъ, развинченнымъ; его энергіи едва-едва хватило на то, чтобы пріѣхать сюда. Это единственное и послѣднее, что онъ могъ сдѣлать, уступая своему инстинкту самосохраненія. Онъ не чувствовалъ себя больше способнымъ на какой-нибудь рѣшительный шагъ...

За обѣдомъ, жалуясь на скверную погоду, онъ говорилъ Одаркѣ, что завтра уѣдетъ отсюда—и не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Только подойдетъ къ своему чемодану, потрогаетъ его ногой, точно для того, чтобы убѣдиться, насколько онъ тяжелъ и неудобноносимъ, и отойдетъ, безнадежно махнувъ рукой. Одарка сначала пугалась и пробовала его отговаривать:

— Та чего-жь ѣхать? Развѣ вамъ тутъ не хорошо?..

Потомъ, увидѣвъ, что это однѣ пустыя угрозы—она равнодушно соглашалась съ нимъ и даже поддакивала:

— Отто-жь, и я говорю, чего вамъ тутъ сидѣть! Было-бъ за что, а то такъ, лысому дѣду на радость...

VI.

Черезъ Леваду, для сокращенія пути, къ Пслу изрѣдка проходили мужики въ огромныхъ чоботахъ и барашковыхъ шапкахъ и бабы, босыя, съ подоткнутыми выше колѣнъ юбками. Скучая, томясь одиночествомъ, Чекановъ пробовалъ заговаривать съ ними, но ничего изъ этого не выходило: если мужикъ попадался трезвый, то онъ хмуро, недовѣрчиво сторонился, только искоса окидывая его непріязненнымъ взглядомъ, и молча проходилъ мимо; пьяный-же начиналъ нести такую дичь, что рѣшительно ничего нельзя было понять. Одинъ мужикъ, бывшій сильно навеселѣ, остановившись противъ террасы, сталъ рассказывать Чеканову о какихъ-то широкихъ лугахъ, лежащихъ за Миргородомъ. Говорилъ онъ долго, безтолково. Чекановъ слушалъ

и ничего не понималъ. Воспользовавшись небольшою паузой, во время которой мужикъ набивалъ табакомъ свою люльку, онъ спросилъ:

— Что-жь это за луга?

Тотъ закурилъ люльку, оперся спиной о дерево, расположившись поудобнѣй, и, довольный, что разговоръ завязался, оживленно подхватилъ:

— Та луга-жь, такіе широченные, та большіе, верстовъ на двадцать! Идешь, идешь и конца-краю не видно!..

— Гдѣ?

— Та за Миргородомъ-же!.. Широченные—верстовъ на двадцать, а можетъ и больше!..

— Ну, такъ что?

— Такъ отто-жь я и говорю, что луга такіе большіе, конца-краю не видно. Ажь за самымъ Миргородомъ!..

— Чьи луга?

— А кто его знаетъ! Луга та луга—широченные, верстовъ на двадцать!..

Это была безконечная, нудная канитель, продолжавшаяся около часу. Почему эти луга такъ занимали мужика—Чекановъ такъ и не узналъ. Глухое раздраженіе овладѣвало имъ, ему хотѣлось схватить этого безтолковаго человѣка и хорошенько встряхнуть его, чтобы добиться отъ него чего-нибудь опредѣленнаго. Мужикъ-же остался очень доволенъ разговоромъ и обѣщалъ придти еще «побалакать» объ этихъ замѣчательныхъ лугахъ за Миргородомъ...

Однажды днемъ, лежа на своей кровати въ томленіи безвыходной скуки, Чекановъ услышалъ какіе-то странные крики и громкій, похожій на собачій вой, смѣхъ, раздававшійся вблизи террасы. Онъ вскочилъ и вышелъ на террасу...

Жалкое, оборванное существо, съ идиотскимъ лицомъ, обросшимъ почти до глазъ бородой, качалось у крыльца на несгибающихся, парализованныхъ ногахъ и съ бессмысленнымъ смѣхомъ дразнило своей блинообразной фуражкой Лабона. Изъ дверей кухни слышался смѣхъ Одарки, визгливо кричавшей:

— Танникъ, та иди-жь сюда, дамъ сахару!..

Танникъ—такъ звали это оборванное существо—не обращалъ на нее никакого вниманія и продолжалъ водить своей фуражкой около носа Лабона. Презрительно отвернувшись отъ него песь дѣлалъ видъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до Танника, но его черный носъ морщился и вздрагивалъ, и верхняя губа поднималась, угрожающе оскаливая острые клыки.

Покосившись на него краснымъ глазомъ, Лабонъ вдругъ сдержанно зарычалъ, точно предупреждая: лучше не трогай!..

Ему, видимо, не хотѣлось связываться съ этимъ жалкимъ подобіемъ человѣка; онъ долго крѣпился, хотя его и корчило всего отъ одного вида истрепанной фуражки Танника.

Но тотъ не унимался, фуражка все ближе и ближе вертѣлась около его носа, а самъ Танникъ вызывающе ржалъ и гоготалъ, захлебываясь отъ восторга—и Лабонъ, въ концѣ-концовъ, почувствовавъ себя глубоко оскорбленнымъ, съ грознымъ рычаніемъ вскочилъ на ноги, рванулъ Танника за полу пиджака и повалилъ его на землю. Это ему не стоило большаго труда, такъ какъ тотъ едва держался на своихъ парализованныхъ ногахъ.

Кусать его Лабонъ не сталъ—ему нужно было только отвязаться.

отъ этого надоѣдливаго дурака. Поваливъ его съ ногъ, онъ тотчасъ же бросилъ его и, ворча, отошелъ въ сторону...

Не ожидавшій такого непріятнаго конца своей забавы, ошеломленный Танникъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на пса, не понимая, что случилось. Онъ удивленно показывалъ Чеканову пальцемъ на Лабона, точно спрашивалъ его, что это значить, недоумѣнно повторяя:

— Э-ы-ы?... Э-ы-ы?..

Потомъ его губы скривились гримасой злобы, онъ раскрылъ ротъ, харкнулъ и ожесточенно плюнулъ въ сторону Лабона.

Песъ презрительно отвернулся и только глухо заворчалъ...

Съ трудомъ поднявшись съ земли, Танникъ вытеръ рукавомъ грязь съ фуражки и, качаясь изъ стороны въ сторону на широко разставленныхъ ногахъ, пошелъ къ Одаркѣ на кухню. На полдорогѣ онъ остановился, обернулся къ Чеканову, радостно оскалилъ свои бѣлые, крѣпкіе зубы и крикнулъ, указывая пальцемъ на стоящую въ дверяхъ Одарку:

— Не-нню!..

Это, повидимому, означало—женщина. Тупое лицо Танника, съ маленькими, бессмысленными глазками и покатымъ идиотскимъ лбомъ, приняло животное, похотливое выраженіе. Онъ залился восторженнымъ гоготаньемъ, повторяя, съ возможной для его грубаго, простуженнаго голоса, нѣжностью:

— Не-нню!.. Не-нню!..

Проходившій въ эту минуту мимо него Лабонъ заставилъ его губы снова скривиться злобной гримасой. Онъ сложилъ свои грязные заскорузлые пальцы въ «дулю» и ткнулъ ею вслѣдъ собакѣ, сказавъ съ ненавистью:

— Ннна!..

Послѣ этого онъ опять залился своимъ идиотскимъ смѣхомъ...

Его дикая, животная радость была такъ заразительна, что Чекановъ, слушая его, невольно самъ смѣялся. Но нервы его непріятно дрожали. Онъ чувствовалъ, что его губы растягиваются въ такую же идиотскую улыбку, какъ и у Танника, и его горло щекотала спазма, готовая вырвать изъ него такое же, какъ у этого кретина, ржанье. Онъ торопливо ушелъ въ комнаты и заперъ дверь.

Дикіе, непонятные крики и гоготанье идиота долго еще раздавались въ усадьбѣ, заставляя Чеканова зарываться головой въ подушки.

Вечеромъ, поднявшись съ постели, онъ прислушался. Въ усадьбѣ было тихо, только дождь съ соннымъ ропотомъ рѣялъ у стѣнъ, съ грустнымъ шорохомъ бродилъ въ саду по деревьямъ.

Чекановъ поднялъ голову,—горло его щекотала все та же непріятная спазма,—и онъ вдругъ тихо засмѣялся... Ледяная дрожь побѣжала у него по спинѣ: онъ услышалъ идиотскій смѣхъ Танника...

«Я схожу съ ума!»—съ ужасомъ подумалъ онъ, и его тѣло облилъ холодный потъ...

VII.

Страшнѣ всего было ночью. Чекановъ чувствовалъ себя безмѣрно одинокимъ, несчастнымъ, закинутымъ на край свѣта.

Въ саду не прекращался холодный шумъ дождя; на террасѣ ворчали и грызлись собаки. Чувствовалось, что за стѣнами—темно, пустынно, холодно, мокро, ужасающимъ безлюдьемъ вѣяло отъ глухого, зябкаго шелеста деревьевъ въ тишинѣ ненастной ночи.

Иногда въ глубокое, мрачное безмолвіе врывался протяжный завывающій крикъ, несшійся съ горы, нѣсколько разъ повторяемый среди холмовъ глухимъ эхо. Ему тотчасъ-же отвѣчалъ съ другой стороны такой-же крикъ или пронзительный свистъ, точно раздравшіе тьму и молчаніе ночи.

Это перекликались другъ съ другомъ загулявшіе пьяные деревенскіе парни. Что-то дикое, вѣявшее жутью непроходимой глуши, было въ этихъ крикахъ и свистахъ, оглашавшихъ пустынные сады, холмы и долины.

Услышавъ ихъ, Чекановъ со стономъ вскакивалъ съ постели и стоялъ посреди комнаты, растерянно, сумасшедшими глазами глядя по сторонамъ, охваченный непобѣдимымъ ужасомъ.

Казалось, какія-то темныя, злыя силы бродили вокругъ дома, съ наглой откровенностью заявляя этими криками о своемъ присутствіи и о грозящей ему опасности...

Бывали ночи, когда ему не удавалось сомкнуть глазъ до разсвѣта. Онъ вставалъ утромъ совершенно больнымъ и шатался, какъ пьяный, на ослабѣвшихъ ногахъ. И ему приходило въ голову: что—если онъ здѣсь умретъ? Вѣдь, никто и не узнаетъ о его смерти: ни друзья, ни знакомые. Не узнаетъ и его жена...

Онъ все чаще сталъ вспоминать о своей женѣ. Онъ не переставалъ любить ее, несмотря на нестерпимую боль, которую она причинила ему. Можетъ быть, благодаря этой боли—его любовь стала еще глубже, мучительнѣй, сильнѣе. Ему приходило на память, какъ эта молодая, бѣлокурая женщина, съ большими сѣрыми глазами, склоняла голову на-бокъ и смотрѣла, какъ раненая птица, жалкими, испуганными глазами—и горячая жалость тѣснила его сердце. О, эти глаза!..

Она плакала и повторяла, когда онъ въ послѣдній разъ говорилъ съ ней:

— Коля, Коля, я не знаю, чего ты отъ меня хочешь! Я ничего не понимаю!.. Что я должна сдѣлать, чтобы ты мнѣ повѣрилъ?..

Бѣшенная ревность туманила его разсудокъ. Если-бы она даже умерла тогда, чтобы доказать свою невиновность, онъ все-же не повѣрилъ-бы ей. Его кровь, все его существо были отравлены смертельнымъ ядомъ подозрѣнія...

Особенно ясно запечатлѣлось въ памяти появленіе жены въ больной палатѣ, гдѣ онъ лежалъ въ полузабытій нервной горячки.

При видѣ ея—онъ сразу пришелъ въ себя; острое чувство глубокой обиды точно пронизало его всего. Онъ поднялся, дрожа отъ ненависти и злобы, и крикнулъ, истерично кривя губы:

— Зачѣмъ ты пришла?.. Убирайся отсюда!.. Вонь!..

Она посмотрѣла на него своими глазами, глазами раненой птицы, они наполнились слезами. Она повернулась и, ни слова не сказавъ, ушла.

Когда за ней закрылась дверь—онъ заплакалъ, вспомнивъ эти прекрасные, жалкіе, испуганные глаза...

Она пришла на вокзалъ, когда онъ уѣзжалъ. Она ходила за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, вся какая-то тихая, покорная, и если онъ останавливался, она замирала на мѣстѣ, не смѣя подойти къ нему, ожидая, чтобы онъ позвалъ ее.

Но развѣ у него не все было кончено съ нею?..

И онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея, хотя его сердце разрывалось отъ боли и обиды. Онъ уѣхалъ, даже не кивнувъ ей головой...

Разъ ночью, воспоминанія о женѣ, тоска по ней охватили его съ такой силой, что ему казалось—его сердце не выдержитъ и онъ не доживетъ до утра. Онъ плакалъ и бился головой о подушку, кусалъ себѣ руки, чтобы заглушить боль сердца.

Онъ прощалъ ей все, онъ не могъ жить безъ нея. Онъ погибалъ гдѣ-то въ глуши въ полномъ одиночествѣ, и ея не было съ нимъ. Если бы она захотѣла пріѣхать къ нему!

На разсвѣтѣ онъ написалъ ей письмо, полное любви, мученія, страха, тоски. Онъ умолялъ ее пріѣхать и спасти его. Если она не пріѣдетъ—онъ погибнетъ...

Это письмо немного успокоило его. Онъ легъ на постель и заснулъ, протяжно, прерывисто вздыхая, какъ обиженное, вволю наплакавшееся дитя...

VIII.

Но утромъ письмо нельзя было отправить на почту. Чекановъ вложилъ его въ конвертъ, написалъ адресъ, наклеилъ марку—и оно осталось лежать на столѣ.

Отъ сильнаго ночного ливня вода въ рѣчкѣ, окружавшей Леваду, такъ поднялась, что затопила всѣ мостки и переходы. Усадьба оказалась отрѣзанной отъ деревни, и ни Одарка, ни Карлашъ не соглашались идти на почту...

Сбѣжавшая съ горъ вода, грязная, почти черная, съ коричневой пѣной, бѣшено крутящимся, грозно шумящимъ потокомъ бѣжала по оврагамъ, устремляясь къ Левадѣ, какъ къ самому низкому мѣсту, издѣсь бурно вливалась въ притокъ Псла, замѣтно поднимая его уровень.

Къ полудню вода въ рѣчкѣ уже была наравнѣ съ краемъ берега. Простоволосая, растрепанная Одарка, подоткнувъ юбки выше колѣнъ, металась между кухней и домомъ и пронзительно голосила:

— Ой лышенько, заливаешь! Ратуйте!..

А Карлашъ, усадьбѣ котораго грозила та же опасность, ходилъ по берегу, недоумѣнно разводя руками, бормоча про себя:

— Отто-жь бѣда! Прямо-таки бѣда, да и только!..

Онъ выломалъ изъ плетня длинную палку и для чего-то тыкалъ ею въ воду, стараясь достать до дна.

Черная вода бѣжала и крутилась съ такой силой, что палку сворачивало въ сторону, и Карлашъ никакъ не могъ достать ею дна. Съ тупымъ упрямствомъ онъ снова и снова погружалъ палку въ воду, съ видомъ крайней озабоченности, точно въ самомъ дѣлѣ былъ занятъ важнымъ, серьезнымъ дѣломъ...

Наблюдавшій за нимъ съ террасы Чекановъ вдругъ увидѣлъ на другомъ берегу рѣчки Танника, который шелъ, покачиваясь на негибавшихся, широко разставленныхъ ногахъ, прямо къ водѣ. Идіотъ громко смѣялся, скаля свои крупные, бѣлые зубы, и кричалъ, размахивая руками, указывая на воду:

— Э-ы-ы!.. Э-ы-ы!..

У самой рѣчки онъ вдругъ поскользнулся, нелѣпо взмахнулъ руками и, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ воду, въ которой его тотчасъ же закрутило въ стремительномъ водоворотѣ.

Чекановъ въ ужасѣ закрылъ рукой глаза. Нѣсколько мгновений онъ стоялъ такъ, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ хриплымъ, непонятнымъ крикамъ Карлаша и звѣриному вою бившагося въ водѣ Танника. Потомъ вдругъ все стихло—и Чекановъ открылъ глаза.

Танникъ уже выходилъ на берегъ, держась за конецъ протянутой ему Карлашемъ палки. Съ него ручьями бѣжала вода, лицо его было перекошено отъ страха.

Едва ступивъ на землю, онъ тотчасъ-же повернулся къ рѣчкѣ и, плача, захлебываясь отъ слезъ, показалъ ей «дулю». Но этого показалось ему мало, онъ выхватилъ изъ рукъ Карлаша палку и сталъ яростно бить ею по водѣ, приговаривая со злобой:

— Нна!.. Нна!..

Почувствовавъ удовлетвореніе, онъ бросилъ палку, плюнулъ въ рѣчку и пошелъ по направленію къ террасѣ, уже весело смѣясь, показывая рукой Чеканову, какъ онъ билъ воду.

Его радость заразила и Чеканова; какая-то звонкая дрожь прошла по всему его тѣлу, зашекотало въ горлѣ, и онъ отвѣтилъ ему такимъ-же громкимъ, гохожимъ на лошадиное ржанье, смѣхомъ.

Танникъ взобрался на террасу и энергично, нечленораздѣльными звуками, рассказывалъ Чеканову о своемъ приключеніи, показывая на рѣчку и прерывая свой рассказъ восторженнымъ смѣхомъ, отъ котораго онъ сгибался вдвое.

А Чеканова смѣхъ перешелъ въ истерическій хохотъ, онъ захлебывался, задыхался и не могъ остановиться. Одарка и Карлашъ смотрѣли на него издали съ недоумѣніемъ и испугомъ, и онъ замѣтилъ, какъ они смотрѣли на него. Его вдругъ охватилъ неудержимый гнѣвъ, онъ яростно затопалъ на Танника ногами и закричалъ:

— Пошелъ вонъ!.. Вонъ!..

Но Танникъ ничего не понималъ и продолжалъ смѣяться, радостно всплескивая руками и хлопая ими себя по бокамъ.

У Чеканова потемнѣло въ глазахъ, онъ бросился на идиота и такъ толкнулъ его въ грудь кулакомъ, что тотъ пошатнулся и повалился навзничь.

Въ непонятномъ волненіи, внѣ себя отъ раздраженія, Чекановъ вбѣжалъ въ домъ и захлопнулъ за собой дверь.

Оставшійся на террасѣ Танникъ вылъ, плевался, мычалъ. Чекановъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, метался по комнатамъ, затыкая уши, чтобы не слышать криковъ идиота...

IX.

Чекановъ забылъ о своемъ письмѣ, которое нѣсколько дней провалялось на столѣ, пока Одарка, убирая, не увидѣла его и не отослала съ Карлашемъ на почту.

Съ головой Чеканова вообще творилось что-то странное. Онъ о многомъ сталъ забывать, и ему часто казалось, что у него никогда и не было другой жизни, что онъ всегда жилъ въ этой усадьбѣ, и никакихъ другихъ людей не видѣлъ, кромѣ Одарки, Танника и Карлаша.

Онъ какъ будто погружался въ какое-то тупое забытье и могъ часами сидѣть на одномъ мѣстѣ, глядя въ одну точку, ни о чемъ не думая, точно проваливаясь въ какую-то пропасть, гдѣ онъ какъ-бы переставалъ существовать.

Минуты просвѣтлѣнія, приносившія съ собой мучительныя воспоминанія вмѣстѣ съ жуткимъ сознаніемъ близкой гибели, заставляли его страдать, и онъ боялся ихъ, какъ пробужденія, возвращенія отъ сладкаго небытія къ страшной дѣйствительности.

Въ такія минуты онъ не могъ оставаться одинъ и искалъ общества Карлаша или Одарки. Онъ не разговаривалъ съ ними, ему нужно было

только видѣть ихъ, чувствовать около себя; въ ихъ присутствіи его страхъ разсѣивался, и его одиночество не казалось ему такимъ безграничнымъ... Посидѣвъ съ ними полчаса, часъ, онъ вдругъ начиналъ тихонько смѣяться, устремивъ глаза въ одну точку, забывъ о нихъ, потомъ вставалъ и уходилъ въ свой домъ. Они ему больше были не нужны, — темное забытье уводило его не только отъ нихъ, но и отъ самого себя...

Разъ, очнувшись отъ своего забытья, онъ пришелъ въ ужасъ отъ тишины, царившей въ домѣ и во всей усадьбѣ.

Онъ не нашелъ ни Одарки, ни Карлаша, даже Лабонъ куда-то скрылся. У Чеканова было такое чувство, точно весь міръ сразу опустѣлъ, и онъ остался въ немъ одинъ, на всемъ безграничномъ пространствѣ вымершей земли... Охваченный непобѣдимымъ страхомъ одиночества, онъ выбѣжалъ изъ усадьбы, съ трудомъ, на четверенькахъ, перебрался по скользкому, шатающемуся мостику черезъ рѣчку и бросился бѣжать къ деревнѣ черезъ пустынную поляну, мѣстами залитую водой, доходившей ему до щиколотокъ.

Въ узкихъ улочкахъ деревни грязь была еще глубже, приходилось пробираться по плетнямъ надъ лужами жидкой, зловонной грязи, въ которой барахтались тощія крестьянскія свиньи.

Часъ былъ предвечерній, нигдѣ не было ни души, и окна въ хатахъ чернѣли, какъ пустые, мертвые глаза.

Сѣялъ мелкій, холодный дождь, отъ котораго все на Чекановѣ скоро промокло насквозь. Онъ зябко дрожалъ въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ; ногамъ было холодно и неприятно въ намокшихъ сапогахъ...

Широкая главная улица деревни тоже была пуста, безлюдна, сумрачна. Только изъ двери одной лавки падалъ черезъ улицу длинной полосой желтый свѣтъ керосиновой лампы. Чекановъ, какъ бабочка на огонь, устремился на этотъ свѣтъ...

Эта лавка была своего рода деревенскимъ клубомъ. Чекановъ увидѣлъ здѣсь много людей, сидѣвшихъ на табуретахъ, на стойкѣ, на мѣшкахъ съ крупой, на чемъ попало. Въ разныхъ углахъ шла оживленная бесѣда...

Старый хохоль съ сивыми усами, державшій въ рукѣ жестянку съ только что купленнымъ здѣсь дегтемъ, говорилъ другому, нюхавшему табакъ изъ новой, здѣсь-же приобрѣтенной, пачки.

— Я-жъ вамъ говорю—тотъ, что на трубѣ играетъ!..

Собесѣдникъ, болѣе молодой, задумчиво погладилъ свою жидкую, мочальную бороденку и недоумѣнно спросилъ:

— Можетъ, гармонистъ?

Сивоусый обрадовался:

— Во, во! Шкрипачъ!..

Въ другомъ углу худой, сморщенный человѣчекъ, въ картузѣ и длиннополомъ сюртукѣ, державшій въ рукахъ газету, спрашивалъ рыжебородаго лавочника, отвѣщивавшаго кому-то ржаную муку:

— И что тутъ такое написано, Иванъ Ивановичъ, никакъ не пойму: «Въ Сахарѣ выпалъ снѣгъ, на жителей напала паныка». Что оно значить?..

— Должно, насѣкомое, вродѣ саранчи,—не моргнувъ бровью, важно, разсудительно отвѣчалъ лавочникъ:—Это бываетъ...

— Какъ-же «въ Сахарѣ»?—недоумѣвалъ тотъ:—Что-то непонятно...

Лавочникъ, вмѣсто отвѣта, обратился къ Чеканову съ вопросомъ:

— Вамъ что будетъ угодно?..

Въ лавкѣ было темно, грязно, пахло дегтемъ, керосиномъ, су-

шеной воблой; отъ людей, толпившихся здѣсь, отъ ихъ тупыхъ лицъ и нелѣпыхъ разговоровъ вѣяло скудной, безсмысленной, мертвой жизнью. Чеканову казалось, что изъ всѣхъ угловъ этой лавки, изъ каждаго лица ея посѣтителей выглядывала идиотская физиономія Танника... Лавочникъ выжидательно смотрѣлъ на него; Чекановъ замаялся, не зная, что бы ему купить. Поглядѣвъ на полки, онъ быстро сказалъ:

— Чаю... сахару... табаку...

Двѣ женщины, въ заношенныхъ, съ мокрыми подолами, капотахъ, въ накинутыхъ на голову темныхъ шаляхъ, уже давно получившія то, что имъ было нужно, безъ умолку стрекотали, перебивая другъ друга. Одна быстро рассказывала:

— Я черезъ яръ—корова черезъ яръ, я черезъ рѣчку—и она за мной. А я не дура—добѣжала до плетня, да черезъ него—плыгъ! Такъ и гепнулась головой въ чертополохъ! А платьемъ зачѣпилась за тынь—и висю до горы ногами!..

Другая, перебивъ ее, продолжала начатый рассказъ:

— А онъ мнѣ и говорить: ты мнѣ, говорить, Оеня, что-то стала апатычна. Такъ прямо и сказалъ, подлецъ, безъ всякой церемоніи!..

Лавочникъ протянулъ Чеканову большой свертокъ, но тотъ продолжалъ стоять, уставившись глазами въ одну точку. Вдругъ онъ тихо засмѣялся,—и всѣ сразу смолкли и повернулись къ нему. Лица у всѣхъ вытянулись, глаза налились страхомъ...

Чекановъ, продолжая смѣяться, пошелъ къ двери, ни на кого не глядя. Лавочникъ крикнулъ ему вдогонку:

— Покупочку вашу забыли!..

Но Чекановъ не слыхалъ и не обернулся. Онъ вышелъ изъ лавки и пошелъ по улицѣ, безсмысленно смѣясь и покачиваясь на широко разставленныхъ ногахъ...

Лавочная публика, столпившаяся въ дверяхъ, съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣла ему вслѣдъ. Одна женщина сказала:

— Слыхали, какъ онъ засмѣялся? Совсѣмъ, какъ Танникъ!..

— И ходить, какъ онъ!..—прибавила другая.

Х.

Однажды, поздно вечеромъ, возвращавшійся изъ деревни черезъ Леваду Танникъ, увидѣвъ свѣтъ въ окнѣ Чеканова, постучалъ ему въ окно, крикнувъ свое обычное привѣтствіе:

— Э-ы-ы!..

Чекановъ открылъ ему дверь и впустилъ въ комнату.

Танникъ усѣлся на полу, вынулъ изъ кармана пачку нюхательнаго табаку, кѣмъ-то подаренную ему въ деревнѣ, и съ радостнымъ смѣхомъ показалъ ее Чеканову, сказавъ:

— Тю-тнь (тютюнь)!..

Потомъ, разорвавъ бумажку, принялся набивать табакомъ свой носъ, побряхывая и мотая головой отъ удовольствія. Онъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока въ бумажкѣ ничего не осталось.

Присутствіе Танника, его смѣхъ, неуклюжія, невѣрные движенія, нечленораздѣльная рѣчь почему-то сильно возбуждали Чеканова, дѣйствовали на него неотразимо, заставляя его повторять всѣ движенія и звуки идиота.

Онъ опустился на полъ противъ него и, точно позабывъ человѣческую рѣчь, сталъ разговаривать съ нимъ его-же языкомъ, произнося дикіе, непонятные звуки, сопровождаемые идиотскимъ смѣхомъ.

Танникъ былъ въ восторгѣ отъ своего собесѣдника. Они дома такъ бесѣдовали и, казалось, прекрасно понимали другъ друга...

Но вотъ—на террасѣ вдругъ раздался громкій лай собакъ, потомъ женскій крикъ—и вслѣдъ затѣмъ кто-то сильно дернулъ наружную дверь и вбѣжалъ въ сѣни. Чекановъ и Танникъ прислушались... Въ сѣняхъ кто-то шарилъ по стѣнѣ, видимо ища двери, потомъ вдругъ дверь открылась, и на порогѣ появилась женщина...

Это была молодая, блѣлая дама, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, съ налитыми страхомъ глазами. Она была одѣта по городскому, вся въ черномъ, на головѣ у нея колыхалась большая шляпа съ страусовымъ перомъ, спускавшимся до плеча. Но все на ней было мокро отъ дождя, и страусовое перо уныло, жалко висѣло...

Она удивленно посмотрѣла на сидѣвшихъ на полу Чеканова и Танника. Идиотъ радостно засмѣялся и, показывая на нее пальцемъ, нѣжно сказалъ:

— Не-нню!..

Чекановъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, морща лобъ, точно стараясь вспомнить, гдѣ онъ ее видѣлъ.

Молодая женщина недоумѣнно проговорила:

— Ты мнѣ написалъ... Я, видишь, пріѣхала...

Звукъ ея мягкаго, грудного голоса привелъ Танника въ неудержимый восторгъ. Онъ громко засмѣялся и, стараясь подняться на своихъ негнѣвавшихся ногахъ, продолжалъ кричать, указывая Чеканову на молодую женщину:

— Не-нню!.. Не-нню!..

Чекановъ посмотрѣлъ на него—и вдругъ засмѣялся такимъ же идиотскимъ смѣхомъ и тоже крикнулъ, указывая на нее пальцемъ:

— Не-нню!..

Молодая женщина отступила за порогъ, съ ужасомъ глядя на нихъ. Она тихо вскрикнула:

— Коля, что съ тобой?..

Ея лицо стало бѣлымъ, какъ стѣна; она вся дрожала. Расширившіеся глаза смотрѣли жалко, испуганно...

Чекановъ вдругъ узналъ эти глаза. Но узналъ онъ въ нихъ не любовь свою, а какую-то смертельную, жестокую обиду, нанесенную ими ему. Его лицо перекопилось отъ гнѣва, онъ вскочилъ, яростно затопалъ ногами и, поднявъ сжатые кулаки, бросился на молодую женщину... Она крикнула не своимъ голосомъ, повернулась и побѣжала черезъ сѣни на террасу.

Чекановъ и Танникъ выбѣжали за ней и увидѣли, какъ она спорхнула со ступеней террасы въ непроницаемую тьму сада.

Лабонъ и два чужихъ огромныхъ пса бросились за ней съ громкимъ лаемъ.

— Не-нню!—дико, восторженно кричалъ Танникъ:—Э-ы-ы!..

Вдругъ онъ вложилъ въ ротъ два пальца и пронзительно свистнулъ. Свистъ прокатился по всей усадьбѣ и нѣсколько разъ повторился, подхваченный эхомъ холмовъ.

Собаки еще яростнѣе залаяли, точно отвѣчая на этотъ свистъ.

Потомъ раздался женскій крикъ, полный ужаса. Лай умолкъ, и слышалось только гдѣ-то недалеко глухое рычаніе, съ какимъ звѣри разрываютъ свою добычу...

Мелкій холодный дождь шелестѣлъ въ листьяхъ деревьевъ...

Вл. Ленскій.

„Досадили!..“

Разсказъ Арк. Селиванова.

I.

Какъ всегда, онъ проснулся поздно. Съ трудомъ открылъ красные, запухшіе глаза и долго глядѣлъ на верхушки березъ и въ бездонную глубину яснаго іюльскаго неба. Какъ всегда, онъ великолѣпно выпался на берегу канавы. Постель его была сухая, теплая и даже мягкая, но все-же слегка затекла одна рука, отъ кисти до плеча бѣгали мурашки, и плохо повиновались пальцы, свертывая первую папиросу. Ёдкій и горячій дымъ махорки обжегъ горло и легкія и толкнулъ лѣнивое сердце. Казалось, что въ груди кто-то качнулъ тяжелый маятникъ.

Мирохинъ потянулся всѣмъ тѣломъ, протяжно зѣвнулъ и сѣлъ. Знойный полдень горѣлъ надъ запущеннымъ паркомъ. Спали деревья, молчали птицы.

На поворотѣ желтенькой дорожки показались двѣ дамы въ соломенныхъ шляпахъ, подъ зонтиками. Передъ ними бѣжалъ бѣлый шпицъ, толстый и пушистый. Онъ подумывалъ взбѣситься отъ жары и хрипѣлъ, высунувъ сухой красный языкъ.

Дамы о чемъ-то горячо спорили, жестикулируя и перебивая одна другую. Когда увидѣли Мирохина, умолкли, переглянулись и свернули въ боковую аллею. Толстый шпицъ лѣниво поплелся сзади.

— Дуры!—рѣшилъ Мирохинъ.—Для почину годятся...

Всталъ, запахнулъ свою куртку и, шаркая по песку опорками, пустился вдогонку.

Дамы испуганно оглянулись, и та, что постарше, стала рыться въ черной кожаной сумочкѣ.

— Сударыня, соблаговолите...

Дама отыскала нужную монетку и протянула ее Мирохину дрожащей рукой въ бѣлой ажурной перчаткѣ.

Нехотя, съ опозданіемъ, заворчалъ шпицъ.

— Дэзи!..—позвала собаку спутница дамы, длинная и тонкая блондинка, и, улыбаясь, повернулась къ Мирохину.

— Вотъ-бы вамъ на войну... Какой здоровый... Шли-бы нѣмцевъ бить.

— И безъ насъ хватить...—проворчалъ Мирохинъ и, встряхнувъ на ладони полученный двугривенный, добавилъ:—Мерси бакѹ!..

II.

Мирохинъ часа два толкался на пристани, насбиралъ еще восемнадцать копеекъ, побывалъ въ чайной, запасся папиросами и,

когда покраснѣли верхушки деревьевъ, снова поплелся въ паркѣ, въ свой «отель»... Комфортабельно устроился подѣ пышнымъ балдахиномъ столѣтней липы, закуриль... Спать еще не хотѣлось, но было скучно, и въ кудлатую голову Мирохина заползали разныя мысли. Вспомнился бѣлый шпигъ и синяя блузка веселой блондинки.

«Шли-бы нѣмцевъ бить...» Гм... Бить всегда пріятно, а если самого?..—Мирохинъ задумчиво отогнулъ рукавъ грязной рубашки и вытянулъ правую руку, стальную, волосатую и черную отъ загара.

«Н-да... Нечего гнѣвить Бога, здоровъ парень. Голодовки, пьянство, бездомная собачья жизнь,—все—нипочемъ. Словно съ гуся вода. Такимъ, какъ онъ, и война не страшна: пока не убьютъ, все вынесетъ... Что-жь? Онъ-бы и пошелъ, хоть завтра... А только къ чему все это? Можетъ, нѣмецъ для кого и врагъ, а ему, Мирохину,—наплевать. Что нѣмецъ, что французъ, что свой братъ урядникъ,—въ чемъ разница? Всѣ хороши, лишь-бы отъ нихъ подальше... Родина? Только гдѣ-же это она, мирохинская родина? Что-то онъ запомнилъ... Сперва воспитательный, потомъ чухонская деревня... Мастерская Агафоньча?.. Участокъ?.. Бить-то, впрочемъ, вездѣ били одинаково».

Мирохинъ почесалъ спину, попытался зѣвнуть, но безъ успѣха, и снова въ большой, кудлатой головѣ заворочались нудныя мысли:

«Вотъ, скажемъ, придутъ сюда нѣмцы, или австріяки... Всѣ отъ нихъ побѣгутъ, полѣзутъ въ щелки, словно тараканы. Бабы завоюютъ... Богатѣи начнутъ деньги зарывать въ землю.. А онъ, Мирохинъ, и не шелохнется. Что ему нѣмцы? Жену заберутъ? Или дѣтишекъ обидятъ? Или, скажемъ, ограбятъ, оберутъ до нитки? Хо-хо-хо!.. То-то и оно: голый разбою не боится. Домъ его сожгутъ? Небойсь, канавы останутся, и небо надъ головой не спалишь... Работать заставятъ? Ухъ, напугали!.. По крайности кормить станутъ, а работы онъ и самъ искалъ зимой, весь городъ исходилъ, да только зря: никому не нужно, а кому и требуется, такъ паспортъ—не въ порядкѣ. Опять, значить, играй назадъ. А нѣмцу паспорта не нужно. Церкви православныя, храмы разграбятъ? Великолѣпія уничтожатъ? Н-да... Только онъ и не помнить, бывалъ-ли когда въ храмѣ-то. Вотъ, на паперти, случилось, стрѣливалъ... Что-же еще ему нѣмецъ можетъ сдѣлать? Чѣмъ досадить? Штыкомъ его проткнетъ? Ну, одинъ разъ помирать... Ему смерть-то его напередъ извѣстна: подѣ заборомъ. Много-ли слаще? Н-да... За одно онъ только сердитъ на нѣмцевъ: изъ-за нихъ, окайныхъ, казенку закрыли... Лакай теперь политиру!..»

Мысли Мирохина обрываются. Онъ отпускаетъ вслухъ крѣпчайшее словечко и со злостью плюется. Потомъ закуриваетъ новую папиросу и повертывается на спину.

Высоко, высоко надъ нимъ, въ узенькомъ просвѣтѣ между вѣтвями, видно темнѣющее небо и маленькая, робко мерцающая звѣздочка. Откуда-то пролетаетъ ночной вѣтерокъ и приноситъ запахъ недавно скошеннаго сѣна. Мирохинъ полузакрываетъ глаза и неожиданно для себя начинаетъ мечтать:

«Вотъ, скажемъ, былъ-бы я баринъ... Все, какъ слѣдуетъ: въ крахмальѣ, при золотыхъ часахъ... На головѣ—котелокъ, въ рукѣ—тросточка. Перчатки тоже... Сейчасъ вышель-бы на крыльцо:—«Таксомоторъ Мирохина!» Подали.—«Куда прикажете?»—«Куда? Въ первѣйшій ресторанъ!» Летимъ. Моторъ кряхаетъ на всю улицу. Городовые отскакиваютъ.—«Пожалуйте, пріѣхали!» Швейцаръ въ золотѣ, лѣстница съ ковромъ... Музыка. Официанты бѣгутъ навстрѣчу:—«Что

изволите?»—«Что? Гм... Напередъ всего водки, графинь—полтинничный. Потомъ селянку, послѣ—пива полдюжинки...»

Мирохинъ зажмуриваетъ глаза и глотааетъ слюну.

III.

Къ маленькой пристани, толкая ее, какъ люльку, подошелъ пароходъ. Онъ еще бурлитъ и шипитъ, какъ большой самоваръ, и неожиданно свиститъ. Столпившіяся на борту пассажирки затыкаютъ уши, и, глядя на нихъ, улыбается вѣчно мрачный шкиперъ. Веселое солнце заливаетъ пристань и высокій берегъ рѣки. По ясному, зеленовато-голубому небу плывутъ маленькія перистыя облачка, точно легкія бѣлыя пушинки, упавшія съ груди невидимой небесной птицы.

Пристань колыхается и гнется подъ ногами пассажировъ, подъ горой выгружаемыхъ чемодановъ, корзинокъ и узловъ. Кричатъ носильщики, кричатъ извозчики на берегу... Жарко, пыльно. У фруктоваго ларька столпились жаждущіе съ потными, красными лицами, и шустрый мальчишка, въ длинномъ до полу передникѣ, не успѣваетъ откупоривать бутылки съ квасомъ.

Вѣчная хозяйка-хлопотунья, торопливая, неугомонная жизнь повсюду, и не вѣрится, что недалеко отъ этой рѣки и пристани, тамъ, гдѣ когда-то провели черту и назвали ее границей, уже хлопочетъ другая хозяйка, тоже вѣчная, холодная смерть. И на буйномъ праздникѣ ея уже горятъ огни и льется жертвенная кровь...

Мирохинъ стоитъ безъ шапки, подставляя подъ солнце голову и коричневую шею. Съ опухшаго лица его медленно сходятъ слѣды недавняго безпробуднаго пьянства, блѣднѣютъ щеки, яснѣетъ взоръ голубоватыхъ глазъ, и только еще попрежнему хрипитъ навѣкъ простуженный голосъ. Мирохинъ молча кланяется, сгибая широкую спину и выставляя впередъ красную волосатую лапу. Изрѣдка бормочетъ:

— Безработному... Два дня не ѣвши...

Подаютъ ему сегодня щедро. Въ карманѣ рыжей куртки уже позваниваетъ цѣлая горсть мѣдяковъ. Но вотъ рѣдѣетъ толпа пассажировъ. На пристани замѣшкались только двое торговцевъ, нагруженныхъ мѣшками и корзинами, да пожилая, толстая купчиха въ шелковой кофтѣ и кружевной косынкѣ. Большимъ бѣлымъ платкомъ она вытираетъ глаза и поминутно сморкается. Долго собираетъ свои вещи и, вздыхая, проходитъ мимо Мирохина.

— Безработному... Помогите...

Купчиха останавливается и суетъ ему полтинникъ:

— За упокой убиеннаго Федора...

Мирохинъ кланяется. Купчиха, отвернувшись отъ него, всхлипываетъ и машетъ зонтикомъ извозчику.

Пролетаетъ случайный теплый вѣтерокъ и вздымаетъ пыль на дорогѣ. Чуть-чуть шевелится флагъ надъ пристанью. Медленно ползетъ солнце, и по рѣкѣ такъ же медленно течетъ расплавленное золото.

Мирохину не хочется уходить отсюда и некуда спѣшить. Онъ присѣлъ на перильцахъ сосѣдней купальни, вертитъ папироску, улыбается, думая о доброй купчихѣ, и лѣнливо смотритъ вдоль набережной.

Проѣзжаетъ длинный обозъ съ овсомъ; стуча тяжелыми сапогами, мимо Мирохина проходятъ ратники, бородатые, загорѣлые... Сзади нихъ, громыхая, ѣдетъ походная кухня. Съ горки спускается женщина подъ бѣлымъ зонтикомъ и рядомъ съ ней маленькая дѣвочка. Дѣвочка упирается толстыми розовыми ноженками и тянетъ къ себѣ за длинный

шнурокъ бѣлую, пушистую собаку. Мирохинъ узнаетъ вчерашняго шпица... Кто-то подходитъ къ нему. Мирохинъ оглядывается. Рядомъ съ нимъ, высоко задрать голову, стоитъ лавочный мальчишка и тычетъ пальцемъ въ небо:

— Еропланъ летить!..

Мирохинъ поднимаетъ голову и, въ ту же секунду, отъ страшнаго толчка чьей-то невидимой, могучей руки, падаетъ съ периль на землю...

Когда оглушенный, испуганный онъ медленно поднимается на ноги и третъ ушибленный локоть, мимо него уже бѣгутъ люди, кричать, спорять:

— Няньку съ ребенкомъ убило...

— Не съ ребенкомъ, а съ собакой.

— Самъ видѣлъ, съ ребенкомъ!..

Мирохинъ бѣжитъ за ними мимо казармъ, во дворѣ которыхъ уже трещатъ выстрѣлы. Узенькая улочка полна народа. У крайняго заборчика сплошная стѣна любопытныхъ. Мирохинъ выставляетъ впередъ гранитное плечо, дѣйствуетъ имъ, какъ тараномъ, и пробивается черезъ толпу.

На пыльной, забрызганной кровью дорожкѣ лежатъ два трупа, большой и маленькой. У женщины оторвана голова, изуродована грудь... Въмѣсто дѣвочки—небольшая кучка окровавленнаго мяса... Клочки голубенькаго платица. Поодаль лежить, доньшкомъ кверху, кисейная шляпка, обрывокъ шнура и клочекъ бѣлой, пушистой шерсти... Вотъ и все.

Попрежнему горитъ ласковое солнце, чирикаютъ воробьи, плывутъ въ вышинѣ легкія облачка и, между ними, черной, чуть видной точкой, улетаетъ воздушный врагъ, уже безопасный, уже недосыгаемый для пуль, сдѣлавшій свое дѣло, безумно-смѣлое, бессмысленно-жестокое, ненужное...

IV.

Медленно, волоча ноги и опустивъ голову, Мирохинъ идетъ въ чайную. Задумчиво и долго пьетъ чай, хмуритъ косматыя брови, крихтитъ и вздыхаетъ. Потомъ достаетъ свои капиталы и долго считаетъ, раскладывая на широкой ладони мѣдныя и серебряныя монетки.

Напившись чаю, Мирохинъ идетъ на базаръ и долго, божась и ругаясь, торгуется съ бабами. Наконецъ, покупаетъ заплатанныя сѣрыя брюки и новую ситцевую рубашку.

Въ паркѣ, за ширмами кудрявыхъ елокъ, Мирохинъ переодѣвается. Задумчиво разглядываетъ свою рыжую, рваную куртку и опорки и бросаетъ ихъ въ канаву. Спустившись къ пруду, Мирохинъ умывается. Третъ шершавыми ладонями лицо и шею, мочить голову и приглаживаетъ упрямыя, свалавшіяся вихры.

Черезъ полчаса Мирохинъ снова въ городѣ. Долго стоитъ у стѣны передъ казенными объявленіями, шевелитъ губами и шепчетъ.

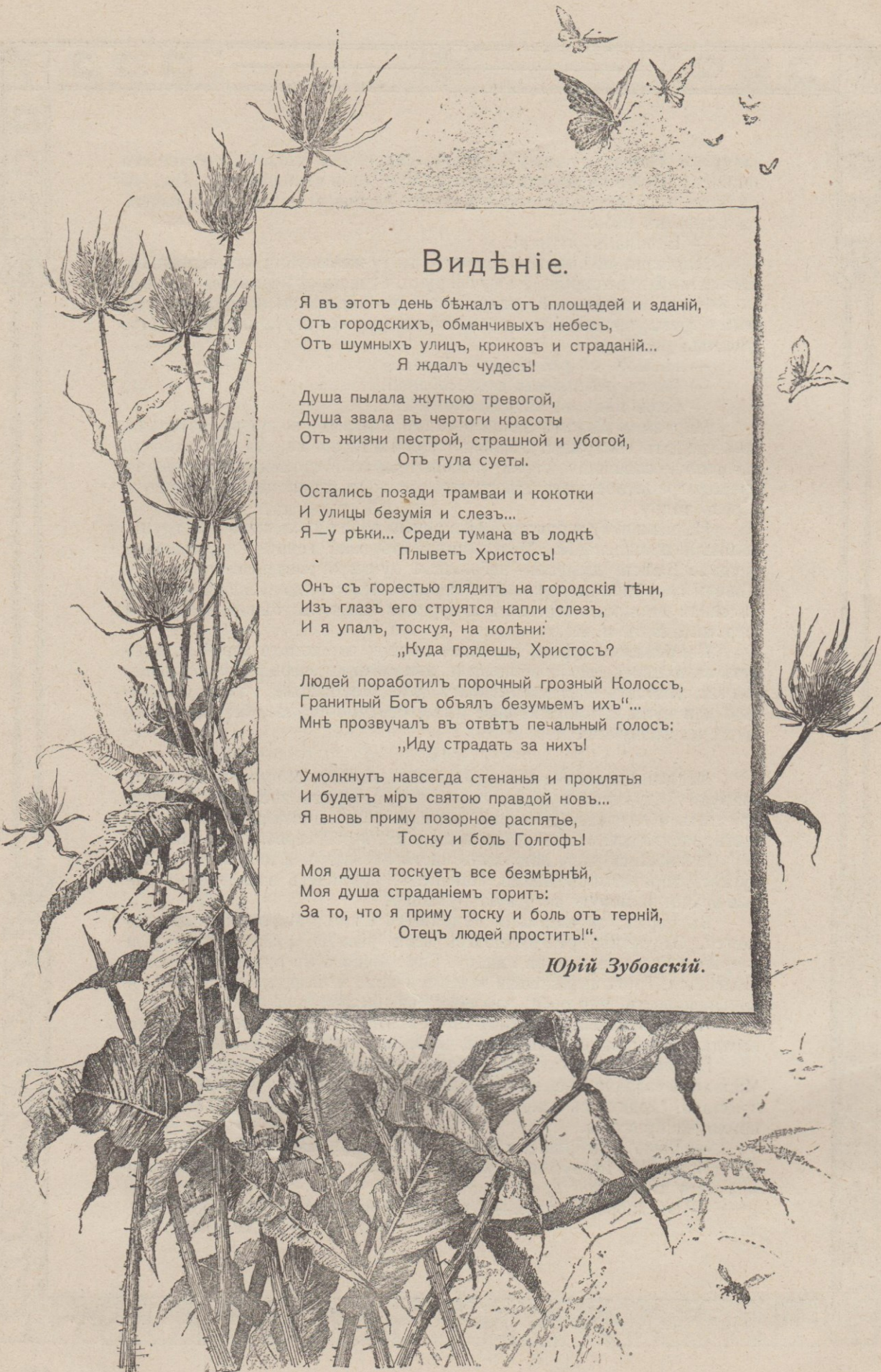
Потомъ происходитъ маленькое чудо, никогда еще не виданное: Мирохинъ сворачиваетъ на главную улицу и, замѣтивъ на перекресткѣ пристава, сходитъ съ панели и идетъ къ нему навстрѣчу... Такъ-таки прямо на пристава.

— Ваше благородіе, гдѣ это нужно записываться?

Приставъ, недоумѣвая, молча смотритъ на босого, огромнаго и мрачнаго мужика.

— Въ добровольцы...—поясняетъ Мирохинъ.— На войну, значить...

Аркадій Селивановъ.

Видѣніе.

Я въ этотъ день бѣжалъ отъ площадей и зданій,
Отъ городскихъ, обманчивыхъ небесъ,
Отъ шумныхъ улицъ, криковъ и страданій...
Я ждалъ чудесъ!

Душа пылала жуткою тревогой,
Душа звала въ чертоги красоты
Отъ жизни пестрой, страшной и убогой,
Отъ гула суеты.

Остались позади трамваи и кокетки
И улицы безумія и слезъ...
Я—у рѣки... Среди тумана въ лодкѣ
Плыветъ Христосъ!

Онъ съ горестью глядитъ на городскія тѣни,
Изъ глазъ его струятся капли слезъ,
И я упаль, тоскуя, на колѣни:
„Куда грядешь, Христосъ?”

Людей поработилъ порочный грозный Колосъ,
Гранитный Богъ объялъ безумьемъ ихъ“...
Мнѣ прозвучалъ въ отвѣтъ печальный голосъ:
„Иду страдать за нихъ!”

Умолкнуть навсегда стенанья и проклятья
И будетъ мѣръ святою правдой новъ...
Я вновь приму позорное распятье,
Тоску и боль Голгофы!

Моя душа тоскуетъ все безмѣрнѣй,
Моя душа страданіемъ горитъ:
За то, что я приму тоску и боль отъ терній,
Отецъ людей проститъ!“.

Юрій Zubовскій.

Таинственная исторія.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

Нельзя было не пойти въ этотъ домъ встрѣчать Новый годъ, нельзя было не выручить друга.

Собрались родственники его жены: публика самая разнокалиберная, былъ здѣсь въ первый разъ и одинъ профессоръ, передъ именемъ котораго мой другъ благоговѣлъ и каждую минуту, проведенную въ его обществѣ, цѣнилъ очень дорого. На моей обязанности лежало по возможности занимать всѣхъ остальныхъ гостей и тѣмъ самымъ дать возможность хозяину побыть наединѣ и поговорить съ тѣмъ, кого онъ такъ давно ждалъ.

До ужина всѣ «господа» и «госпожи», повидимому, очень скучали; разсматривали альбомы, курили и втыкали окурки въ вазоны изъ-подъ цвѣтовъ, болтали руками въ акваріумѣ, одна старушка зѣвала и послѣ cadaго зѣвка крестила ротъ; долговязая, похожая на жираффу, гимназистка и дьяконъ играли на роялѣ въ четыре пальца «собачій вальсъ».

Въ первыя минуты я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать, чтобы спасти друга, затѣмъ мое вниманіе привлекъ «самый опасный» изъ гостей, порывавшійся проникнуть въ кабинетъ. Это былъ низенькій, кругленькій человекъ, въ черномъ сюртукѣ; галстухъ у него казался такого-же цвѣта, какъ и похожій по формѣ на огурецъ носъ. Онъ то стоялъ у окна, то оглядывался и съ тоской смотрѣлъ на уже накрытый въ другой комнатѣ и уставленный бутылками столъ, то подходилъ къ двери кабинета.

Замѣтивъ его желаніе взяться за ручку двери кабинета, я началъ «дѣйствовать»: подошелъ и представился. Изъ краткаго разговора я узналъ, что мой новый знакомый прежде былъ смотрителемъ кладбища.

«О, этотъ человекъ, должно быть, много видѣлъ, очень много!— подумалъ я:— Вѣроятно, онъ носитъ въ себѣ великолѣпнѣйшія темы для святочныхъ разсказовъ и можетъ мнѣ пригодиться, если не въ этомъ году, такъ въ слѣдующемъ»...

Я рѣшилъ не отходить отъ этого гостя до конца вечера, но, чтобы не огоршить его сразу, началъ разговоръ издалика.— осуществленіе же своихъ литературныхъ намѣреній рѣшилъ отложить до ужина,— до того момента, когда мой знакомый опрокинетъ рюмокъ пять, шесть водки (тогда она еще продавалась свободно), а что онъ это сдѣлаетъ,

я имѣлъ право заключить по цвѣту его галстука, который, какъ я уже сказалъ, напоминалъ и цвѣтъ его носа.

Дамы сгруппировались возлѣ хозяйки, молодежь—возлѣ похожей на жираффу гимназистки. И моему дорогому другу-хозяину и сидѣвшему у него въ кабинетѣ профессору ничто не грозило испортить tête-à-tête. Еще заранѣе профессоръ предупредилъ хозяина и хозяйку, что онъ, какъ больной человѣкъ, ни въ какомъ случаѣ ужинать не будетъ.

Я, какъ тѣнь, ходилъ за своей жертвой и старался произвести какъ можно лучшее впечатлѣніе, разговаривая о томъ, что, по моему мнѣнію, могло его больше всего интересовать: дорого-ли стоили мѣста для могилъ въ его время, сравнительно съ теперешними цѣнами, спрашивалъ, правда-ли, что очень бѣдныхъ людей иногда хоронятъ вмѣстѣ, по два и по три, и сколько стоитъ вѣчное поминаеніе души человѣческой, а сколько поминаеніе ея въ теченіе одного года?

На всѣ эти вопросы смотритель давалъ мнѣ вполнѣ удовлетворившіе отвѣты, но голосъ его все-таки звучалъ уныло.

Наконецъ, всѣ мы услышали давно желанную фразу хозяйки: — Господа, прошу въ столовую закусить чѣмъ Богъ послалъ, уже половина двѣнадцатаго, и Новый годъ нужно встрѣтить всѣмъ вмѣстѣ сытыми и пьяными, а ученые пуцай сидятъ себѣ, несолоно хлебавши,—для нихъ и этотъ день ничего не значить...

Намекъ былъ, очевидно, сдѣланъ по адресу кабинета, впрочемъ, большинство даже не знало, кто тамъ сидитъ. Застучали ножи и вилки, зазвенѣли рюмки и стаканы. Я не ошибся: смотритель, съ которымъ я сѣлъ рядомъ, прежде всего потянулся къ графину и налилъ себѣ рюмку, очевидно, приготовленную для портвейна или для какого-нибудь болѣе легкаго вина, такими рюмками во время сильнаго мороза прежде угощали извозчиковъ, ожидающихъ у дверей ресторана господь.

Чтобы не упасть въ глазахъ моего сосѣда, я налилъ себѣ такую-же посудину, выпилъ и минуты три не могъ придти въ себя. Несмотря на это, интересовавшій меня гость сейчасъ-же налилъ по второй. Теперь я ужъ началъ хитрить, и какъ только онъ отвернулся, чтобы взять блюдо съ селедкой, я очень ловко вылилъ свою рюмку подъ столъ, такъ-же ловко поставилъ ее обратно и съ геройскимъ видомъ сказалъ смотрителю:

— Эге, да вы отстае отъ компаніи!

— Нельзя-же безъ закуски, не безпокойтесь, я васъ сейчасъ догоню...

И онъ опрокинулъ въ ротъ вторую, затѣмъ, не теряя времени, налилъ и по третьей. Но прежде, чѣмъ выпить ее, основательно занялся великолѣпной московской капустой и хрустѣвшими у него на зубахъ миногами. Мнѣ удалось смощенничать и съ третьей рюмкой, а въ четвертую я налилъ себѣ чистѣйшей воды.

Смотритель почти не опьянѣлъ, во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ я послѣ одной, и, какъ я и ожидалъ, сдѣлался гораздо словоохотливѣе и, видимо, былъ склоненъ предаться воспоминаніямъ. Желая попасть ему въ тонъ, я, съ грустью въ голосъ, спросилъ:

— Было-ли въ вашей жизни что-нибудь мистическое?

— Было,—коротко отвѣтилъ онъ и попросилъ меня передать бутылку съ пивомъ, но въ это время хлопнула за нашими спинами пробка отъ шампанскаго, и часы медленно начали бить двѣнадцать. Опозда-

вшая горничная едва успѣла налить бокалы. Всѣ начали чокаться, поздравляя другъ друга, и желать исполненія «радужныхъ пожеланій»...

Послѣ бокала шампанскаго смотритель не безъ удовольствія осушилъ бутылку пива и сталъ еще привѣтливѣе.

«Ну, теперь пора начать свое интервью»,—подумалъ я, съ разрѣшенія дамъ закурилъ папиросу и, какъ можно ласковѣе, произнесъ, обращаясь къ сосѣду:

— Вотъ, вы изволили сказать, что въ прошлой вашей жизни было много мистическаго, я самъ въ душѣ оккультистъ, и все новое изъ этой области меня интересуеть. Прошу васъ, какъ человѣка мудраго и много видѣвшаго, подѣлиться нѣкоторыми эпизодами и впечатлѣнїями, которые остались въ вашей удивительно свѣтлой памяти... У нашего поколѣнїя уже не будетъ и не можетъ быть такого прошлаго. Всѣ мы, маловѣрующіе, почти скептически относимся къ явленїямъ, такъ называемымъ, сверхъестественнымъ, и «база» нашихъ переживанїй зиждется не въ душѣ, а въ чисто реалистическихъ формахъ, исходящихъ отъ холоднаго и скучнаго раціонализма...

Я старался выражаться языкомъ приказчика, желающаго показать, что и онъ умѣетъ вести «благородный разговоръ».

Мое вступительное слово понравилось смотрителю, но онъ не торопился, выпилъ еще бутылку пива, поправилъ галстухъ и началъ:

— Если-бъ я не былъ дурной въ молодости, то врядъ-ли бы вступилъ въ первый законный бракъ, потому я черезъ любовь и не окончилъ училища, а тутъ скончался мой родитель, и средства къ жизни, можно сказать, упали, а у ея родителей,—и онъ кивнулъ въ сторону сидѣвшей на другомъ концѣ стола жены,—да, такъ у ея родителя, говорю, была нѣкоторая бакалейная торговля, и какъ онъ считалъ меня человѣкомъ съ образованїемъ, потому я все-таки изъ второго класса вышелъ, то началъ приглашать къ себѣ. И кое-чѣмъ тамъ деньгами, или негодящимъ пиджакомъ старался дать помощь. Затѣмъ увидѣлъ, что я человѣкъ честный и съ башкой, и поставилъ меня за кассу,—конечно, тогда я уже былъ прилично одѣтымъ, и какъ мнѣ не хотѣлось уходить изъ магазина, то я сдѣлалъ Варварѣ Петровнѣ предложенїе и получилъ согласїе. Въ тотъ-же годъ ея родитель скоропостижно волею Божїею помре, и я сталъ хозяиномъ. Но какъ я очень вѣрилъ въ судьбу, то не страховалъ своего движимаго имущества. Торговля моя разраслась, и всѣ меня уважали, приглашалъ иногда къ себѣ даже соборный протоіерей, такъ, выпить чайку, поговорить о политикѣ. И было мнѣ уже двадцать семь лѣтъ отъ роду и трое дѣтокъ у насъ, когда весь нашъ городъ постигло, можно сказать, несчастїе—громадный пожаръ, и я лишился не только магазина, но даже и домика, также доставшагося мнѣ отъ ея родителя. Сбереженїй у насъ никакихъ не было, и пришлось мнѣ пропадать. Но помогъ отецъ протоіерей, въ то время вакансія смотрителя кладбища была незанятою и временно исполнялъ эту должность бывший дьячекъ Стефанъ, человѣкъ, можно сказать, малограмотный и вообще необразованный, и потому у него съ денежной отчетностью не все ладно бывало, хотя онъ и не кралъ. Но такъ какъ отецъ протоіерей знали, что я самъ, можно сказать, бухгактеръ и вель дѣло большое, то и предложили мнѣ эту вакансію. Понимаете-ли: домикъ изъ пяти комнатъ, а шестая контора, кругомъ деревья, цвѣты, птицы щебечуть, мертвецы тихо лежать въ своихъ могилахъ, и каждый день три, а то и пять свѣжихъ покойничковъ,—однимъ словомъ, рай земной. Обрадовался я своему

счастью, что Богъ не покинулъ меня, и перебрался жить сюда. Одинъ изъ бывшихъ покупателей заимообразно далъ мнѣ триста рублей, и устроились мы съ женой и дѣтьми прекрасно. Казалось-бы, жить, поживать, да добра наживать, но тутъ... будьте добры, передайте мнѣ бутылку съ пивомъ...

«Сейчасъ начнется самое интересное», — подумалъ я и предупредительно передалъ ему цѣлыхъ двѣ и даже самъ выпилъ стаканъ и предупредительно чокнулся.

Смотритель опять поправилъ галстухъ, тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— Люди, конечно, умираютъ, не справляясь съ тѣмъ, какое число на календарѣ. И въ нашемъ городѣ представился именитый и богатый первой гильдии купецъ, очень хорошій человекъ: когда я имѣлъ еще свою торговлю, онъ всегда и безъ никакихъ разговоровъ ставилъ свою подпись на моихъ векселяхъ, и пришлось его хоронить въ самый Новый годъ. Конечно, для такого человека и мѣсто на кладбищѣ нужно было выбрать подходящее. Я самъ пошелъ съ гробокопателями. А земля въ ту пору была замерзшей и сдѣлалась, вродѣ, какъ камень. Пришлось работать ломами, да не только ломами, а и топорами, потому ни лопата, ни заступъ не берутъ. Бились, бились мои могильщики, а затѣмъ приходятъ въ контору и просятъ на полбутылки, потому руки не дѣйствуютъ, а тутъ всѣ казенки закрыты: праздникъ, известно, и у меня вся влага вышла до послѣдней капли, такъ какъ вчера съ встрѣчали Новый годъ, вотъ вродѣ какъ сейчасъ. Я имъ говорю: съ дорогой душой далъ-бы вамъ водочки, но неоткуда взять, а они этого резона понимать не желаютъ и заявляютъ, что и съ ихъ стороны будетъ забастовка, а тутъ четыре часа уже и катафалкъ долженъ подъѣхать, съ купцомъ значить. Да, нѣтъ, что я, не въ четыре, а раньше, дѣло зимнее, и день короткій. Думалъ я, думалъ, а она, — смотритель снова кивнулъ въ сторону жены, — шепчетъ мнѣ: «есть у насъ смородиновка не подслащенная, которую ты забраковалъ, отдадимъ, песь съ ними, пушай только роютъ». Ну, и отдали. Очень даже благодарили и могилу однимъ духомъ кончили, все во-время поспѣло. Все честь-честью; вѣнковъ, вѣнковъ это было, и даже серебряные. Затѣмъ, конечно, въ ресторанѣ настоящемъ, перворазрядномъ поминовение души. Ну, конечно, и меня пригласили... Передайте мнѣ, пожалуйста, еще бутылочку пива...

Я передалъ, но началъ опасаться, потому что языкъ смотрителя ворочался уже не совсѣмъ свободно, хотя каждое слово можно было разобрать... Мнѣ хотѣлось напомнить, что я просилъ рассказать нѣчто мистическое, но было страшно испортить дѣло и прервать его, — конечно, относительно-плавно лившуюся, — рѣчь.

— ...Да, такъ о чемъ я говорилъ? — снова началъ смотритель. — Такъ, такъ... И засидѣлись мы на этихъ поминкахъ до полуночи, тамъ, которые родственники разошлись, а которые гости, значить, даровому угощенію рады, и было все, какъ слѣдуетъ, не то, что у благородныхъ, а, значить, икры свѣжей, зернистой къ блинамъ фунтовъ десять, а, можетъ быть, и пятнадцать; осетрина паровая цѣлыми блюдами, ну, и, какъ полагается, пироги; опять-же селянка на сковородкѣ, хоть и поостыла, а закусывать есть чѣмъ, — насчетъ бутылокъ, такъ еще половина нераскупоренныхъ стоитъ въ углу въ комнатѣ, потому на столѣ уже мѣста не оказалось: и мадера, и тенерифъ, и ромъ, и коньякъ, а для дамскаго пола малага и церковное. Да, такъ досидѣли, говорю,

до полуночи и всѣмъ возвращаться въ городъ, а мнѣ, значить, на кладбище—одному. Вышелъ я на улицу, а снѣгъ валомъ валить. За какіе-нибудь три, четыре часа до колѣна упаль. Ну, думаю, пропали цвѣты на могилѣ у купца, и пошелъ я не по панели, а посреди улицы. Прямо впереди кладбищенскія ворота чернѣютъ, отворены. Очень я удивился: помнилъ, какъ будто, послѣ погребенія затворили ихъ, а теперь вижу, вродѣ дыра огромная и черная впереди между кирпичныхъ столбовъ. И разсердился я въ мысляхъ на сторожа Стефана, что пьетъ, а дѣла не разумѣетъ. И опять, думаю, какъ выпаль снѣгъ такой, а къ утру морозъ можетъ ударить, тогда не затворить намъ воротъ,—ни правой, ни лѣвой половинки. Намѣревался пойти разбудить Стефана, ну, да боялся время потерять. Рѣшилъ сдѣлать это самолично: рѣшилъ—хоть издохну, а затворю. Прежде всего началъ ногами разгребать снѣгъ, кое-какъ очистилъ. Налегъ на одну половинку—подалась. Принялся за вторую; и уже не холодно мнѣ, а жарко. Очистилъ снѣгъ и возлѣ нея, а только не затворяется она. Трясь, трясъ, хоть плачь, придется, думаю, идти Стефана будить. Пошелъ по снѣгу къ его сторожкѣ, началъ барабанить въ окно, и никакого отзвука нѣтъ, я погромче,—спить проклятый пьяница! Тутъ ужъ зло меня взяло,—какъ тряхнулъ я, такъ стекло въ окнѣ вдребезги, да осколками себѣ и руку поранилъ,—жилу повредилъ, хлещетъ горячая кровь, и больно, и завязать нечѣмъ. Я тогда къ дверямъ, сталь спиной, да и давай ногами выбивать ихъ, а калоши-то у меня высокія, тяжелыя. Ну, Стефанъ слышитъ, а самъ испужался: думаетъ разбойники. Потомъ узналъ мой голосъ и въ одномъ бѣльѣ отворяетъ,—трясется весь... Тутъ ужъ мнѣ некогда браниться, а только говорю ему: зажигай скорѣе огонь, потому я раненъ. «Кто-же васъ ранилъ?» спрашиваетъ, а самъ трясется.—Не твое дѣло, говорю. Давай какой ни на есть ветоши, кровь остановить надо. Ну, зажегъ онъ лампу и свою чистую сорочку, бѣлую, на шматъ порвалъ. И хорошо завязалъ мнѣ рану, ротнымъ фельдшеромъ когда-то онъ былъ. Что-жъ вы думаете, потомъ цѣлый мѣсяцъ не заживала, и операцію пришлось дѣлать,—докторъ осколки вынималъ. Вотъ и посейчасъ слѣдъ есть...

Смотритель замолчалъ, отодвинулъ манжетъ и показалъ мнѣ на правой рукѣ два синеватыхъ рубца. Затѣмъ той же рукою налилъ пива и мнѣ и себѣ и больше не обнаруживалъ желанія рассказывать.

Тогда я, какъ можно деликатнѣе, произнесъ:

— Вотъ вы были такъ добры, что обѣщали мнѣ сообщить одинъ изъ мистическихъ случаевъ вашей жизни, но до сихъ поръ я, собственно говоря, чисто мистическаго ничего еще не слышалъ.

— Какъ вы сказали?—пробормоталъ онъ.

— Я говорю, что мнѣ хотѣлось чистой мистики...

— Виноватъ, что это слово, собственно говоря, обозначаетъ?

Мнѣ стало ясно, что время потеряно, и, чтобы кончить этотъ разговоръ, я отвѣтилъ:

— Значить, вообще что-нибудь интересное...

— А развѣ-же это не интересно, какъ я руку порѣзалъ? Чего-же вамъ хотѣлось: чтобы я совсѣмъ окалѣчился, ноги лишился, рожу расквасилъ, животъ распоролъ? Тогда-бы было мистическое?

— Нѣтъ, нѣтъ... конечно, и это уже очень интересно...

Когда мы уходили изъ этого гостепріимнаго дома, я думалъ: «конечно, досадно, а все-таки тема есть»...

Борисъ Лазаревскій.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ.

Къ 75-лѣтію со дня рожденія.

Додэ и Золя.

Параллели Н. Дмитриева.

Два замѣчательнѣйшихъ представителя реалистическаго романа—Додэ и Золя—оба принадлежатъ Франціи, оба родились въ одинъ и тотъ же годъ (1840 г.), почти одновременно начали свое литературное поприще, и лишь какой-нибудь мѣсяць-другой отдѣляютъ прїѣздъ Додэ въ Парижъ «за славой» отъ прїѣзда туда же съ той же цѣлью Золя. И тотъ и другой провели юные годы въ провинціи, въ одномъ и томъ же Лионѣ, но судьба столкнула ихъ вмѣстѣ, сблизила и сдружила только гораздо позднѣе.

Додэ съ грѣхомъ пополамъ окончилъ лицей; Золя срѣзался на послѣднемъ экзаменѣ и такъ и остался безъ диплома. Позднѣе тому и другому упорно отказывала въ патентѣ Академія, вѣнчая академическими лаврами другихъ, изъ «заслуженныхъ бездарностей». Изъ кружка освищенныхъ писателей, состоящаго изъ Флобера и Гонкуровъ, Додэ и Золя, изъ того кружка, къ которому былъ такъ близокъ нашъ Тургеневъ, вышелъ талантъ Додэ, признанный публикой и критикой, еще въ то время, когда Золя только что задумывалъ свою эпопею изъ жизни Ругонъ-Маккаровъ. Слава одного не слѣпила глазъ другому, и Додэ и Золя отъ юности, на всю жизнь остались добрыми друзьями. И когда умеръ Додэ (1897 г.), надгробная рѣчь была предоставлена Золя, единственному изъ кружка оставшемуся въ живыхъ. Среди миллионной толпы, стоя у открытой могилы, Золя сказалъ послѣднее напутствіе тому, кого онъ всегда считалъ «горячо-любимымъ другомъ», «великимъ писателемъ» и «великимъ романистомъ». «Если выбрали меня,—говорилъ Золя въ своей замѣчательной рѣчи,—чтобы воздать честь Додэ, такъ это не только потому, что я его товарищъ, другъ, который столько лѣтъ жилъ съ нимъ бокъ-о-бокъ, но потому, что я послѣдній свидѣтель, который можетъ сказать, что думали мы объ его твореніяхъ. *мы всѣ, труды которыхъ выросли подлѣ его твореній.* Мы — соперники? Да, конечно, потому что у насъ не всегда были одинаковыя мнѣнія; мы, вѣдь, никогда не были обучены, какъ солдаты. Мы были добрыми братьями по оружію, видѣли вещи ясно и каждому изъ насъ удѣляли законную часть славы. Додэ для насъ всегда былъ душой наиболѣе свободной, наиболѣе освобожденной отъ готовыхъ формулъ, наиболѣе честной по отношенію къ фактамъ». «Насъ было четыре брата, трое уже ушло (Флоберъ, два Гонкура, соединившіе въ себѣ одинъ писательскій ликъ), и я остаюсь одинъ». Но за Золя стояли живыя говорящія могилы; подъ вѣнками и пальмами спали сномъ безсмертія всѣ трое изъ «отстрадавшихъ братьевъ»: и Флоберъ, и Гонкуръ, и дважды посвященный гениемъ и страдающимъ, Додэ. То же безсмертіе обрѣлъ и гость ихъ кружка, славянинъ Тургеневъ, гений котораго изумлялъ Францію, и которому та же Франція отдала послѣднія почести, отправляя его прахъ на далекую родину. Самъ Золя уже давно вступилъ на путь той же славы; изъ всѣхъ французскихъ, современныхъ ему, писателей, несомнѣнно, онъ былъ самый популярный, самый читаемый, заставившій о себѣ говорить всюду, далеко за предѣлами Франціи. Додэ уже давно безропотно уступилъ ему мѣсто этого первенства. Додэ былъ знаменитъ въ настоящемъ своимъ прошлымъ; читали и восторгались творчествомъ уже прошлаго Додэ, а онъ самъ медленно и вѣрно придвигался къ могилѣ. Предъ Золя въ это самое время стоялъ грядущій день, Золя еще не сказалъ вполне своего слова, и отъ него именно ждали новыхъ словъ, вѣрили его творческимъ возможностямъ. Додэ за нѣсколько лѣтъ до кончины уже почти пересталъ писать, и его былая творческая плодовитость смѣнилась отдыхомъ и молчаніемъ. Золя, его сверстникъ, еще не зналъ усталости. Методически, день изо дня продолжалъ онъ свою работу въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, памятуя древнее: «nulla dies — sine linea», — т.-е., не было ни одного такого дня, когда бы писатель не сидѣлъ за работой. Работа отсчитывалась шестью часами въ день, но за ней шла другая—не менѣе трудная: собираніе тѣхъ «чело-

вѣческих документов», которые являлись первоосновой того натурального романа, представителем котораго считали и считалъ самъ себя Золя. Додэ уже давно покончилъ съ этимъ собираніемъ, но онъ былъ счастливѣе Золя въ томъ отношеніи, что его юность и молодость знала ни одни исканія, но и достиженія, что онъ могъ работать не размѣниваясь, идя прямо къ цѣли. Онъ зналъ нужду и лишенья, но не испыталъ той остроты ихъ, которую испыталъ Золя, познавшій и горечь непризнанья, и размѣнъ, и отвлеченье въ сторону своего таланта въ погонѣ за хлѣбомъ. Парижъ долго держалъ Золя въ тискахъ и нужды, и полной необеспеченности. По счастливой случайности, объяснимой всѣмъ складомъ живой, жизнерадостной натуры, Додэ увидѣлъ снова и родной югъ, и посѣтилъ красочный Провансъ, и экзотическую Корсику, и знойный Алжиръ, тогда какъ Золя былъ невольникомъ, данникомъ Парижа, свидѣтелемъ его трагедій и драмъ, активнымъ участникомъ кипѣнїи его жизни. Подъ солнцемъ юга Додэ вбиралъ его пестрые узоры, его краски, колоритныя подробности его быта, слѣдилъ за его толпой. Быть, жизнь и психика людей—вотъ что прежде всего интересуеетъ Додэ. Всякія общенія, широкій синтезисъ жизненныхъ явленій, раскрытіе ихъ противорѣчій, отвѣты на «проклятые вопросы»—это не его область. Онъ художникъ, непосредственно творящій жизнь въ калейдоскопѣ ея событій.

Мягкій, отзывчивый, Додэ былъ всегда общимъ любимцемъ. Маленькаго Альфонса Додэ любили въ семьѣ и школѣ, любили друзья и товарищи, съ которыми гдѣ бы то ни было ему приходилось сталкиваться. На первыхъ же шагахъ своего литературнаго пути, хотя и въ своемъ провинціальномъ муравейникѣ, онъ уже былъ оцѣненъ. Въ провинціальномъ городѣ, въ редакціи лионской газеты, уже дана была оцѣнка его таланту, сложилась увѣренность, что Альфонсъ Додэ далеко пойдетъ. Первые его самостоятельные шаги въ Парижѣ были облегчены и до нѣкоторой степени расчищены старшимъ братомъ, также даровитымъ романистомъ. Въ Парижѣ онъ нашель случайнаго издателя своихъ стиховъ, любителя поэзіи, готоваго помочь юношѣ, который такъ скромно, застѣнчиво пыталъ свои силы и былъ такъ оборожителенъ въ своей южной веселости, въ своей южной безпечности. Какъ въ Парижѣ особеннаго издателя, такъ, еще въ Лионѣ, Додэ нашель для себя особеннаго портного. Этотъ добрый буржуа сшилъ Альфонсу великолѣпный фракъ и не взялъ за него денегъ. Взамѣнъ ихъ онъ поставилъ условіе: Додэ заплатитъ тогда, когда будетъ славенъ и богатъ. Первая книжка стиховъ Додэ открыла ему двери салоновъ, и за этими дверьми фракъ лионскаго портного сыгралъ не послѣднюю роль. «Очаровательность» Додэ,—та особая очаровательность, въ которой внѣшне выявлены тайны прекрасной души, благородства ума и силы таланта, были всегда, всюду съ нимъ. Онъ имѣлъ особый даръ—завоевывать сердца. Такія «завоеванныя сердца» онъ нашель въ своемъ родномъ домѣ, начиная съ суроваго старика-отца и кончая трогательной привязанностью къ нему брата. То же повторялось и въ редакціонной и въ литературной семьѣ, которая для Золя долго была мачехой, а для Додэ—любящей матерью. То же сказалося и въ кружкѣ друзей и среди читательской массы. Додэ скоро сталъ не только извѣстностью, но и любимцемъ. Вѣрное, глубоко любящее сердце онъ нашель и въ своей женѣ, бывшей не только подругой его жизни, но и неизмѣннымъ другомъ его писательской работы, его дѣйствительной помощницей, взявшей на себя не только все бремя черной работы, но ставшей вдохновительницей и первымъ критикомъ, и переписчицей, и совѣтницей мужа. Эта рѣдкая женщина сама была писательницей, но свое писательство она сознательно отодвинула на десятый планъ, умалила его, какъ умаляютъ свѣтъ свои звѣзды предъ солнцемъ. А этимъ солнцемъ былъ—Додэ. Додэ писатель и ея мужъ. Сначала первое, потомъ уже второе. Совсѣмъ другое дѣло было съ Золя. Если противоположности всегда сходятся, то только такимъ образомъ и сошлись Додэ и Золя.

Угрюмый, скорѣе замкнутый, чѣмъ общительный, съ ясно выраженнымъ политическимъ сгедо и еще болѣе ясно выраженной индивидуальностью, непризнанный и возвеличенный, онъ равно зналъ цѣну того, что разъ онъ призналъ за *свою* истину.

По семейнымъ традиціямъ, тяготѣвшимъ надъ Додэ въ юности, онъ былъ «правымъ». Вся его родня и семья были орлеанисты-монархисты, но Додэ-художникъ менѣе всего былъ политикомъ. Эволюція его политическихъ убѣжденій привела къ тому, что изъ лагеря орлеанистовъ онъ перешель къ республиканцамъ. Золя, какъ былъ, такъ и остался на всю жизнь убѣжденнымъ сторонникомъ демократіи.

Додэ—воскъ, Золя—желѣзо, и матеріалы ихъ творчества также различны. Додэ лѣпилъ свои художественные образы изъ гибкаго мягкаго матеріала,—Золя высѣкалъ изъ грубаго камня. У одного тонкость линій, мягкость контуровъ, изящество частныхъ и цѣлаго; у другого сила рѣзца, полное презрѣніе къ частно-

стяжь и отдѣлкѣ, напряженная мысль не о нихъ, а о цѣломъ. Такъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни.

Медленно, упорно, шагъ за шагомъ Золя расчищаетъ *свой* путь. Онъ не обходитъ преграды, но идетъ на нихъ прямо, напроломъ. Неудача—онъ останавливается, собирается съ новыми силами и опять пускается въ тотъ же путь. «Освищенный» публикой, развѣнчанный критикой, онъ все-таки продолжаетъ вести *свою* линію. Онъ знаетъ цѣну упорству и знаетъ цѣну своему внутреннему неподатливому «я». У короля издателей, Гашета, на первыхъ своихъ шагахъ въ Парижѣ, Золя пристраивается мелкимъ клеркомъ. Гашеть обращаетъ на него вниманіе, даже проситъ написать что-либо для дѣтскаго журнала. Золя отдаетъ свою «Сестру бѣдныхъ». Гашеть, державшій нось по вѣтру спроса, возмущенъ. Золя, по его мнѣнію, бунтовщикъ. «Бунтовщикъ» собираетъ цѣлый томикъ подобныхъ рассказовъ, и издаетъ ихъ помимо Гашета. Такъ выходятъ его «Разказы Нинонъ». Гашеть—Гашетомъ, а онъ, Золя, остается Золя. Точно такое же происходитъ у него и съ Вильмесаномъ, редакторомъ всеильнаго «Фигаро». Золя и тутъ остается Золя. Онъ готовъ размѣнивать на мелочи свой талантъ, но не свое «я»—основу этого таланта. Вильмесану этого не купить ни за какія деньги. Точно такъ же и съ послѣднимъ его выступленіемъ въ защиту Дрейфуса. Республика, въ лицѣ правительства, осудила «измѣнника» и сослала его на Чортовъ островъ. Страсти улеглись; о Дрейфусѣ забыли одни, другіе старались забыть, третьи втихомолку были возмущены. Но Золя не могъ молчать съ тѣхъ поръ, какъ понялъ, что истина подмѣнена ложью, съ тѣхъ поръ, какъ онъ открылъ тайну фабрикаціи «человѣческаго документа». И онъ не замолчалъ. Его обвинили въ клеветѣ, но онъ не отступился отъ *своего* дѣла, отъ *своей* истины. И онъ дожилъ до торжества этой истины. Такъ во всемъ: стойкость, убѣжденность и непреклонность. Въ союзѣ съ ними онъ долго работалъ надъ созданіемъ того, что онъ самъ назвалъ экспериментальнымъ романомъ, въ которомъ, какъ въ наукѣ, наблюденія провѣрены опытомъ. Золя тщательно собиралъ родословную героевъ, данныя объ ихъ воспитаніи, средѣ, изучалъ факты ихъ жизни—«человѣческіе документы»—и опредѣлялъ причинную ихъ зависимость. Такъ была задумана и осуществлена, путемъ долгихъ изученій и предварительныхъ работъ, знаменитая серія «Ругонь - Маккаровъ». Но выходилъ томъ за томомъ, а романы не имѣли особаго успѣха. Додѣ съ своимъ «Фрономомъ» пожиналъ лавры, а Золя продолжалъ оставаться въ тѣни, неся на себѣ буквально каторжный трудъ подготовительныхъ экспериментальныхъ работъ, повѣряя наблюденіемъ и опытомъ свои черновые наброски. Та же кипучая, планомерная работа до самаго послѣдняго дня—дня внезапной, неожиданной смерти (1902 г.). Такъ шли годы, и каждый годъ Золя упорно, методически давалъ по одному новому роману. Критика оставалась холодной, публика читала, но не зачитывалась работами Золя. Даже болѣе, газета, въ которой печаталась «Бойня» («L'Assomoir»), старая провинціальная знакомая Золя, прекратила на серединѣ печатаніе романа: публика негодовала и поносила и редактора, и автора. Но Лионъ—не Парижъ. Подтверженіе этого дала та же, освищенная въ Лионѣ, «Бойня». Начатая со скандаломъ и не законченная, она въ отдѣльномъ парижскомъ изданіи имѣла такой успѣхъ, какого не имѣлъ ни одинъ изъ романовъ не только самого Золя, но и болѣе его популярныхъ въ то время писателей. Публика смѣнила вдругъ свою холодность на горячность; критика обратила свое лицо на автора; имя Золя замелькало на столбцахъ всѣхъ газетъ. Его ругали, поносили, заушали, пѣли ему хвалебные гимны. Золя легъ спать въ безвѣстности и проснулся въ полной слабѣ: онъ сталъ самымъ моднымъ, самымъ читаемымъ писателемъ. Издательскіе недороды сразу смѣнились обильной жатвой, а когда, черезъ двадцать два года, Золя закончилъ всю серію, онъ былъ уже первымъ писателемъ современной Франціи. У насъ въ Россіи, раньше чѣмъ на родинѣ, обратили вниманіе на крупный художественный талантъ Золя, его оцѣнили уже по яркимъ, оригинальнымъ рассказамъ, по замѣчательнымъ «Парижскимъ письмамъ», печатавшимся, накануне мировой славы Золя, въ «Вѣстникѣ Европы», по его первымъ романамъ, въ которыхъ виденъ самобытный, большой талантъ.

Огромные споры всюду порождала теорія Золя, которую Мопассанъ кратко опредѣлилъ: «ничего кромѣ истины и полной истины», никакихъ иллюзій правды, а одна голая правда.

Но Золя былъ прежде всего художникъ и притомъ большой художникъ, чтобы, отказавшись въ теоріи отъ этихъ иллюзій, отказаться отъ нихъ и въ творчествѣ, которое безъ нихъ невозможно. Творчество самого Золя—примѣръ такой невозможности.

Н. Дмитріевъ.

Обновившаяся деревня.

Статья В. Бруснина.

Почти отовсюду пишутъ объ отрезвѣвшихъ деревняхъ, какъ о новыхъ деревняхъ, которыхъ и не узнать. И всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что обновленіе это—результатъ закрытія казенныхъ винныхъ лавокъ. Еще не такъ давно земская статистика приводила страшныя цифры, по которымъ можно было судить о томъ, сколько пьетъ наша деревня и сколько она теряетъ въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ только отъ того, что «нетрезвые» работники-землепашцы, подрывая свое физическое здоровье, роняютъ свои экономическія силы и губятъ себя морально. Закрыли казенныя винныя лавки, и деревни преобразились за послѣдніе полгода.

Война опажнула наши деревни чернымъ крыломъ смерти, разстроила нѣкоторыя хозяйства, призвавъ на поле брани «отцовъ и дѣтей», трудомъ которыхъ держались иногда и многочисленныя семьи. Но отрезвѣвшая деревня нашла въ себѣ силы заполнить и этотъ пробѣлъ жизни. Оставшіеся въ деревняхъ старики и тѣ, пока еще «льготные»; люди, которымъ не пришла очередь идти на войну, юноши и даже подростки, «сообща» принялись помогать солдаткамъ убрать поля и вспахать яровые. Объ этой «общей» деревенской работѣ писали изъ деревень интереснѣйшія письма и сообщенія, по которымъ можно судить, какія благія силы таятся въ нашемъ народѣ, о которомъ недоброжелатели его писали, какъ о народѣ *пьяномъ* и чуть-ли не *страшномъ*.

Потрезвѣлъ народъ, обновилась и его душа, прояснилось и сознание. «Трудно словами передать преображеніе нашихъ сельчанъ, благодаря запрещенію продажи водки,—писалъ, на примѣръ, одинъ священникъ.—Одѣлись всѣ, стали работящи и какъ-бы осмысленнѣе и умнѣе. Бывшіе алкоголики лично мнѣ выражали неподдѣльное удовольствіе новымъ образомъ жизни. Отрадно видѣть, какъ одинъ изъ такихъ *слабыхъ людей* вѣчно ходившій пьянымъ, тащившій въ шинокъ послѣдній пудъ муки и яйца изъ-подъ насѣдокъ, ставитъ теперь новыя ворота, а вечеромъ сидитъ со своей, десятки лѣтъ не выходившей изъ синяковъ, «старухой» и мирно бесѣдуетъ о томъ, что бы еще сдѣлать для хозяйства на деньжонки, которыя сбереглись благодаря трезвой жизни».

А вотъ еще интереснѣе письмо деревенскаго корреспондента, крестьянина-землепашца: «Люди какъ будто не тѣ стали,—писалъ онъ:—не видно на улицахъ, какъ прежде, босяковъ, всѣ одѣлись и обулись прилично. Скоро предстоитъ сезонъ свадебъ. На каждой свадьбѣ у насъ выпивалось вина не менѣе, какъ на 120 руб., а теперь купятъ на два рубля баранокъ—тѣмъ и дѣло кончается. Однимъ словомъ, въ селѣ стараго народа какъ будто не стало, будто мы теперь находимся на другой планетѣ: ни шума, ни дракъ, ни ругани, ни кражъ, ни пожаровъ. На сельскихъ сходахъ идутъ разсужденія здавомыслящія, стало можно обсуждать всякія общественныя дѣла безъ крику и ругани. Мало-мальски понимающіе люди стали посѣщать сельскіе сходы, а раньше вершали дѣлами пьяные «горлань». Только одинъ теперь разговоръ, какъ-бы навсегда избавиться отъ пьянства».

Эти краткія сообщенія изъ деревни достаточно ярко освѣщаютъ ту новую картину деревенской жизни, которую создало отрезвленіе. Добавимъ и еще кое-какими интересными сообщеніями. Пишутъ, на примѣръ, что и тѣ люди, о которыхъ священникъ въ своемъ письмѣ отозвался, какъ о «слабыхъ», заинтересовались сельскими сходами. Надо замѣтить, что всѣ эти «слабые» деревенскіе люди большею частію бѣдняки, которые, что называется, отъ экономическаго безсилія стали слабыми и морально, впали въ отчаяніе и «спились», не интересуясь тѣмъ, что дѣлалось на сельскихъ сходахъ. Да и на эти сходы-то они являлись только тогда, когда начиналось «распитіе» водки или пива по постановленію того же схода. Теперь, эти вновь отрезвѣвшіе люди поняли, что на сходахъ обсуждаются вопросы жизни, какъ разъ близкіе и ихъ интересамъ. Раньше деревенскіе «горлань» рѣшали общественныя дѣла, а теперь въ обсужденіи ихъ хотятъ принять участіе и тѣ «слабые», которые вдругъ почувствовали въ себѣ силу и принадлежность къ общему крестьянскому міру. Это преобразование зауряднаго мужика въ общественнаго

дѣятеля деревни едва-ли не самое существенное преобразование деревни на новый ладъ. Общественный міръ теперь, дѣйствительно, становится единымъ общественнымъ міромъ, и рѣшеніе такого міра можетъ быть только ради общаго блага всѣхъ, а не тѣхъ «немногихъ», которые еще такъ недавно «верховодили» деревней.

Не отстали наши обновленныя деревни отъ городовъ и въ смыслѣ самодѣятельности ради помощи воинамъ, сражающимся на полѣ брани. Во многихъ селахъ и деревняхъ образовались своеобразные комитеты, въ составъ которыхъ вошла и деревенская интеллигенція—священники, учителя, врачи, руководители кооперативныхъ товариществъ. Комитеты эти, или деревенскія попечительства, занялись изготовленіемъ бѣлья для воиновъ, стали собирать пожертвованія деньгами, чаемъ, сахаромъ, табакомъ и всѣмъ, что можетъ пригодиться «сынамъ» деревни, сражающимся за цѣльность и славу родины. Въ этихъ попечительствахъ дѣятельное участіе приняли и женщины, жены воюющихъ, дочери, сестры и матери. Приняло участіе въ организаціи взаимопомощи ради воиновъ и наличное мужское населеніе деревень. И въ этомъ случаѣ трезвость оказала свое вліяніе. Вмѣсто того, чтобы нести деньги въ казенку, «слабые» люди несутъ свои гроши въ мірскую кассу въ помощь раненымъ.

Обновились наши деревни, отрезвѣли, но все же долго еще вѣковое зло будетъ имѣть свое вліяніе. Замѣчено, что «слабые» люди деревни, подобно такимъ же слабымъ людямъ въ городахъ, замѣнили водку и пиво всевозможными суррогатами: пьютъ денатурированный спиртъ, политуру и т. п. Опасаются и появленія тайнаго винокурения. Но все это зло теперь уже не такъ страшно, принимая во вниманіе, что большинство населенія деревень серьезно занялось своимъ отрезвленіемъ. Люди сумѣютъ побороть и слабость къ алкоголю въ средѣ «слабыхъ», если не оттолкнуть ихъ, а примутъ въ свою трезвую семью.

И еще замѣчается пагубная наклонность, которая, съ уменьшеніемъ пьянства, какъ будто сильнѣе стала проявляться среди населенія, особенно же среди юношества и подростковъ: стали больше играть въ карты, проигрывая иногда значительныя суммы. Необходимо, конечно, бороться и съ этимъ не менѣе пагубнымъ зломъ. Помимо того, въ деревняхъ, населеніе, отдыхающее отъ дѣйствія алкоголя, почувствовало какой-то какъ-бы досугъ души. Раньше отравленная виномъ душа была занята туманомъ опьяненія, и жизнь казалась тогда въ какомъ-то туманѣ: въ хмелю человекъ засыпалъ и въ своемъ пьяномъ снѣ забывалъ и о тяготахъ жизни. Чѣмъ же человекъ заполнить досуги трезваго существованія? Вотъ вопросъ, который теперь встаетъ для обновившейся деревни.

Но на этотъ вопросъ давно уже имѣется старое рѣшеніе.

Больше уже полувѣка и земства, и печать, и общественные дѣятели твердятъ, что необходимъ умственный и моральный подъемъ населенія нашихъ деревень. Это же пожеланіе выразила и наша Государственная Дума, разрабатывая вопросъ о всеобщемъ и обязательномъ образованіи. И мы надѣемся, что этотъ вопросъ получитъ скорое разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ. На мѣстѣ казеннокъ возникнутъ новыя школы, разсадники просвѣщенія. За школами въ деревню потянутся и вновь открываемыя бібліотеки и читальни. Не новость для многихъ деревень теперь, что тамъ или тутъ открывались театры, читались лекціи или велись собесѣдованія по вопросамъ сельскаго хозяйства или по другимъ вопросамъ жизни. Замѣчено, что съ началомъ войны деревня заинтересовалась газетой и журналами.

Вотъ тѣ дѣйствительныя средства просвѣщенія народныхъ массъ, которыя только и помогутъ обновившейся деревнѣ закрѣпить въ населеніи то новое, что теперь наблюдается. Потрезвѣетъ деревня, немного улучшить свое благосостояніе своимъ отрезвленіемъ, преобразится духовно и начнетъ новую духовную и умственную жизнь. А тогда останется только разрѣшеніе общихъ большихъ вопросовъ экономической жизни, разрѣшеніе которыхъ зависитъ уже не отъ одной только деревни, а и отъ всего уклада политической и соціальной жизни всего государства.

Здѣсь мы хотѣли указать лишь на начало новой деревенской жизни. Необходимо взять это новое деревенское подъ разумное и цѣлесообразное покровительство людей, знающихъ и дѣйствительно преданныхъ интересамъ народныхъ массъ. Съ другой стороны, надо дать свободу проявленію самодѣятельности и самого населенія деревни. Мы видимъ, какія духовныя богатства таились въ этомъ населеніи, скрытыя отъ насъ до сихъ поръ «хмелемъ жизни». Хмель прошелъ, прошло и похмелье. Во весь ростъ хочетъ приподняться человекъ обновленной деревни, и мы всѣ, кто любить и цѣнить нашъ народъ, должны пойти навстрѣчу этому обновленію и дать деревнѣ то, что мы уже имѣемъ, но чего она не имѣла въ силу бытовыхъ, политическихъ или соціальныхъ условий.

Обновилась наша деревня, отрезвѣла, и мы надѣемся, что ея населеніе найдеть и дальнѣйшіе пути къ новой жизни, если ей помочь разумно и своевременно.

В. Брусянинъ.

Апологеты и антагонисты войны.

Очеркъ Н. Степаненко.

Что такое представляет изъ себя война, что несетъ она съ собою, какіе результаты получаетъ отъ нея человѣчество?

По этому поводу существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія.

Большинство философовъ-систематизаторовъ, стремящихся охватить міръ и человѣка во всей широтѣ и объемѣ, мыслители-борцы, проповѣдующіе индивидуализмъ, являются не только апологетами войны, но и пѣвцами, восторгающимися ея красотой, величіемъ и мощью. Война для нихъ является олицетвореніемъ борьбы, таящейся въ самомъ зародышѣ міра; только въ борьбѣ за существованіе они видятъ залогъ лучшаго будущаго.

Платонъ и Кантъ считаютъ войну естественнымъ состояніемъ народовъ.

Яркимъ апологетомъ войны является Гегель. Онъ находитъ, что «война необходима для нравственнаго развитія. Она возвышаетъ наше человѣческое достоинство; въ ней высшее проявленіе нашей доблести; она воскрешаетъ мужество въ народахъ, изнѣженныхъ миромъ, упрочиваетъ существованіе государствъ, служитъ прочнымъ камнемъ для народовъ, раздаетъ власть достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему движеніе, жизнь».

Исходя изъ того положенія, что война способствуетъ къ ускоренію фазисовъ развитія народовъ, и Дрэперъ считаетъ войну явленіемъ положительнаго свойства.

— Арабамъ нужно было-бы много тысячъ лѣтъ для того, чтобы подвинуться настолько въ умственномъ отношеніи,—говоритъ онъ,—насколько они подвинулись въ одно столѣтіе, если-бы они, какъ цѣлая нація, оставались въ глубокомъ мирѣ.

Однако исторія говоритъ намъ и о явленіяхъ совершенно обратнаго свойства; многія государства исчезли съ лица земли именно вслѣдствіе безпрестанно продолжающихся войнъ.

По мнѣнію Лассалы, все великое въ исторіи было совершено мечомъ, и тому же мечу исторія будетъ обязана всѣми великими событіями, которыя когда-либо въ ней совершатся. Ницше поетъ «безумію храбрыхъ» настоящей панегирикъ.

— Слава войнѣ!—съ восторгомъ восклицаетъ онъ.—Благодаря ей человѣкъ, едва вышедшій изъ грязи, гдѣ зародился, является великимъ и доблестнымъ: на трупъ убитаго врага—его первая мечта о безсмертіи.

Даже Байронъ, этотъ незлобивый поэтъ, является защитникомъ войны.

— Я охотно выразилъ-бы омерзѣніе противъ войны,—говоритъ онъ,—если-бы не былъ убѣжденъ, что только она одна спасетъ міръ отъ плѣсени и гнили.

Бисмаркъ, этотъ отецъ нынѣшняго милитаризма Германіи, такъ характеризуетъ войну: «Война подобна бурямъ или лихорадкамъ, послѣ которыхъ, будь то въ воздушныхъ струяхъ, или въ человѣческомъ организмѣ, возстановляется нарушенное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія, можно только прославлять войну, которая ломаетъ желѣзныя оковы привычекъ повседневной жизни, даетъ случай развернуть талантамъ и высокимъ добродѣтелямъ и ставитъ каждаго на подходящее ему по способностямъ мѣсто».

Что это за «высокія добродѣтели», въ достаточной степени говоритъ намъ, современникамъ, разрушеніе нѣмцами Лувена съ его историческими памятниками, Реймскаго собора, этого замѣчательнаго произведенія искусства...

Другой нѣмецкій апологетъ и панегиристъ войны—Мольтке заходитъ такъ далеко, что войну называетъ «составною частью Богомъ установленнаго мірового порядка» и называетъ ее священной. «Война—Божественное учрежденіе, одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра».

Если-бы нѣмецкій полководецъ заглянулъ въ исторію, то онъ узналъ-бы, что война только у языческихъ народовъ освящалась религіей. Обожаніе грубой силы возводилось въ культъ у вавилонянъ, ассирійцевъ, финикійцевъ; воплощеніе религіозной идеи индусовъ заключается въ изображеніи чудовищной богини, изъ отверзтаго рта которой низвергается цѣлый потокъ военныхъ колесницъ и вооруженныхъ всадниковъ. А въ Египтѣ надпись Сезостриса: «Царь караетъ чужую землю» составляетъ своего рода національный девизъ.

Нашъ русскій полководецъ—Драгомировъ ставитъ войну въ прямую зависимость съ природой.

— Человѣкъ не можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ природы,—говоритъ онъ.—Война есть дѣло, противное одной сторонѣ человѣческой природы, именно человѣческому инстинкту самосохраненія, но вовсе не противна всей человѣческой природѣ и въ особенности разуму.

Какъ и Мольтке, отождествляя войну съ религіей, доблестный генераль ошибается, ставя войну въ неразрывную связь съ законами природы. Если война

есть борьба, то изъ этого не слѣдуетъ, что война есть законъ природы, а не твореніе рукъ человѣческихъ, одно изъ несовершенствъ жизни человѣка.

Драгомировъ заходитъ такъ далеко, что даже и въ будущемъ не видитъ просвѣта. Онъ находитъ, что война прекратится лишь тогда, «когда ни въ духовной, ни въ матеріальной области массовой жизни не будетъ возникать ничего новаго, или, что то же, когда человѣчество изживетъ свое духовное содержаніе».

Но вѣдь такъ говорили и думали по отношенію къ внутреннему миру и наши предки тысячи лѣтъ тому назадъ, когда произволъ существовалъ надъ личностью, когда право сильнаго брало верхъ, но культура человѣка, ея стремленіе къ правдѣ, добру и справедливости устранили навсегда эту аномалію жизни человѣка. Въ настоящее время не сила уже беретъ перевѣсъ, а право и справедливость.

Въ это право и справедливость международныхъ отношеній вѣрять и профессоръ международного права гр. Л. Комаровскій, но для этого нужно, чтобы миръ вошелъ «въ наши нравы и понятія, какъ основной и дорогой для каждаго изъ насъ принципъ».

Глубокий и вдумчивый философъ—Вл. Соловьевъ отвергаетъ всякую проповѣдь противъ войны; онъ находитъ, что «при нравственномъ разстройствѣ внутри человѣчества, внѣшнія войны бывали и еще могутъ быть необходимы и полезны, какъ при глубокомъ физическомъ разстройствѣ бываютъ необходимы и полезны такія болѣзненные явленія, какъ жаръ или рвота».

Знаменитый философъ не отвергаетъ, однако, того, что съ совершенствованіемъ человѣческой личности, а слѣдовательно, и съ болѣе глубокимъ пониманіемъ правъ и обязанностей общественной жизни, войны прекратятся и исчезнутъ, какъ нѣчто бесполезное и ненужное. Всю путаницу въ вопросахъ о войнѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что здѣсь смѣшиваются три совершенно различныя понятія: во-первыхъ, общенравственная оцѣнка войны, во-вторыхъ, значеніе ея въ процессъ человѣческаго существованія и, въ-третьихъ, отношеніе совѣсти человѣка къ факту войны.

Отношеніе это, высказанное Соловьевымъ, П. Кропоткинъ формулируетъ такъ:

— Я понимаю, что можно не отвѣчать на личную обиду. Но стоять сложа руки, когда злой и сильный бьетъ слабого,—непростительная подлость. Именно ею держится всякое насиліе.

Такого рода взглядъ идетъ въ прямой разрѣзъ со взглядами величайшаго писателя и мыслителя—Льва Толстого, отвергавшаго, какъ извѣстно, всякаго рода насиліе. Война, по ученію Толстого, насиліе, а слѣдовательно, и зло. Принципіально онъ осуждалъ всякую войну, безъ всякихъ оговорокъ и исключеній, и его отношеніе къ войнѣ формулируется всего нѣсколькими словами:

— Всякое убійство—безусловное зло. Война есть убійство. Слѣдовательно, война есть безусловное зло.

У Лермонтова вылилось такое стихотвореніе:

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Проповѣдь о войнѣ, какъ злѣ, тянется на протяженіи уже 26 вѣковъ. Еще пророкъ Исаія металъ анафему на крѣпостныя стѣны и башни, на все, что охраняетъ и защищаетъ идолъ войны; онъ проклиналъ всякую ненависть, неправду, грубое лицемѣріе и благословлялъ будущіе вѣка, когда всѣ народы перекуютъ мечи свои на орала и копья свои—на серпы, когда не подниметъ народъ на народъ меча, и не будетъ болѣе учиться воевать (Исаія, 11, 4).

А время все еще не наступило, царство Божье все еще не снизошло на землю и ученіе Христа «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» далеко отстоитъ отъ насъ.

Умы современнаго человѣчества все еще заняты вопросомъ: быть или не быть силѣ господиномъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ? Сила или право должны опредѣлять международную жизнь?..

Почти всѣ русскіе Государя послѣдняго періода были сторонниками права, а не силы. Императоръ Николай I говорилъ: «Война—это жестокая, чудовищная необходимость, возбуждающая отвращеніе».

Точно такого же взгляда держался и Александръ III, заявившій: «Кто бы ни объявилъ войну—онъ мой врагъ».

Н. Степаненко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ третій.

	Стр.
Въ пути. Стихотвореніе Е. Бахарева	77
На рубежѣ. Стихотвореніе П. В. Быкова	79
Танникъ. Разсказъ Вл. Ленскаго	80
„Досадили!“. Разсказъ Аркадія Селиванова.	94
Видѣніе. Стихотвореніе Юрія Зубовскаго	98
Таинственная исторія. Разсказъ Бориса Лазаревскаго	99
Додѣ и Золя. Параллели Н. Дмитріева	105
Обновившаяся деревня. Статя В. Брусянина	108
Апологеты и антагонисты войны. Очеркъ Н. Степаненко	110

КАРТИНЫ: 1. Танецъ среди мечей. Картина въ краскахъ Семирадскаго.
2. Призывъ. Автотипія съ картины Аушрани. 3. Се Человѣкъ. Автотипія съ картины Чизери Антонио.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми марками и необходимо прилагать свой прежній адресъ съ бандероли, безъ чего перемѣна невозможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію.

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ денегъ своевременно, высылка журнала немедленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какого-либо № журнала передаются въ почтамтъ для разслѣдованія и должны быть высланы не позже полученія слѣдующаго за нимъ очереднаго №. Неаккуратная доставка журнала, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, должна быть разслѣдована самими подписчиками.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/081

5

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получать въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, разсказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стилъ Людовика XVI-го.
Картина на атл. съ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной горельефъ
художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Зрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЮГРАВИЮРА СЪ КАРТИНЫ
художника Ш. Шапленъ.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тиснениемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго итальян. худож. **ГЕРЦОНИ.**

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голикѣ и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ

извѣстнаго художника **Ф. Лефлера.**

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ картины 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб. на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.